

Санкт-Петербургский государственный университет

Юридический факультет

Кафедра международного права

Качулис Антон Алексеевич

**Выпускная квалификационная работа**

***«Оговорка о публичном порядке  
в практике российских и иностранных судов»***

Уровень образования: магистратура

Направление: 40.04.01 «Юриспруденция»

Основная образовательная программа ВМ.5815

«Международное частное право»

Научный руководитель:  
ассистент кафедры международного  
права, кандидат юридический наук  
Игнатъев Александр Сергеевич

Санкт-Петербург  
2021

## Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Виды оговорки о публичном порядке .....	6
§ 1. Национальные виды оговорки о публичном порядке.....	6
§ 2. Оговорка о транснациональном публичном порядке .....	14
§ 3. Применение оговорки о транснациональном публичном порядке государственными судами .....	22
§ 4. Применение оговорки о транснациональном публичном порядке международными арбитражами .....	29
Глава 2. Практика применения оговорки о публичном порядке судами Китайской Народной Республики .....	46
Глава 3. Практика применения оговорки о публичном порядке судами Российской Федерации.....	64
Заключение .....	78
Список использованных источников .....	82

## Введение

Представленная работа посвящена изучению практики применения оговорки о публичном порядке иностранными судами на примере Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Также особое внимание уделено теории оговорки о транснациональном публичном порядке.

**Актуальность** работы обусловлена большим количеством ошибок, которые допускают суды при применении оговорки о публичном порядке.

В 2013 году было опубликовано Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» (далее также – «Обзор»), в котором были обозначены основные ошибки и особенности применения публичного порядка. Важность этого судебного акта переоценить трудно, если учесть, что на него суды ссылаются почти всегда, когда сталкиваются с заявлениями о принудительном исполнении иностранных судебных и арбитражных решений. Тем не менее, сейчас российские суды по-прежнему имеют слабое представление о том, как и когда допустимо применять оговорку о публичном порядке, что объясняет актуальность дополнительного изучения российской судебной практики

В свою очередь, в судебной практике Китая, который присоединился к Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года относительно поздно (в 1987 году), сформировалось, пусть и не сразу, достаточно ясное понимание того, в каких ситуациях следует применять оговорку о публичном порядке.

Что касается транснационального публичного порядка, то российскому праву этот институт неизвестен, в научных исследованиях упоминается в лучшем случае лишь вскользь. Поэтому в случае, если на рассмотрение суда

поступит заявление о принудительном исполнении решения международного коммерческого арбитража, в котором содержится ссылка на незнакомый суду транснациональный публичный порядок, повышается риск отказа в удовлетворении такого заявления, что объясняет необходимость более детального изучения этого правового института.

**Степень научной разработанности темы.** Несмотря на то, что в целом тему публичного порядка нельзя назвать малоизученной, значительное количество русскоязычных научных исследований по теме публичного порядка были написаны до появления Обзора, и в части исследования правоприменительной практики они зачастую содержат неактуальную информацию. Поэтому представленная работа обладает научной новизной, поскольку материалом для изучения стала российская судебная практика, сформировавшаяся после опубликования Обзора (с 2014 года по 2020 год). В свою очередь, китайская судебная практика практически не становилась объектом исследований российских ученых, не проводились сравнения китайского и российского опытов в этой области. Основным материалом для исследования, помимо законодательства, стали российская и китайская судебная практика, а также некоторые научные работы в этой области.

В части исследования транснационального публичного порядка, из российских ученых только такие авторы как Крохалев С.В. и Литвинский Д.В. более детально касались этой темы, в связи с чем степень научной разработанности данной темы следует признать низкой. Основным материалом для исследования стали зарубежные научные статьи, таких специалистов, как, например, Кэтрин Кесседжан (С. Kessedjian), Пьер Лалив (P. Lalive), Майк Рейсман (M. Reisman) и других, в которых изложены различные взгляды на правовую природу транснационального публичного порядка, оценки целесообразности применения этой оговорки. Кроме того, в ходе написания работы были изучены немногочисленные примеры из решений международных арбитражей и национальных судов, в которых использовался этот правовой институт.

**Целями** исследования являются, во-первых, изучение того, как китайские и российские суды трактуют публичный порядок, и в каких случаях применяют, чтобы выяснить причины, по которым Китаю удалось создать единообразную судебную практику применения оговорки о публичном порядке, а России – нет; во-вторых, составление по возможности всестороннего представления о том, что такое транснациональный публичный порядок, как этот правовой институт может использоваться, и какова его практическая ценность.

В соответствии с поставленными целями были определены следующие **задачи**:

1. Изучить практику китайских судов по применению оговорки о публичном порядке. Выявить основные ситуации, в которых публичный порядок, по мнению китайских правоприменителей, считается нарушенным или наоборот.

2. Изучить практику российских судов. Выявить главенствующие подходы российских судов к применению оговорки о публичном порядке, а также основные ошибки.

3. Определить и сопоставить основные теоретические воззрения на сущность и содержание транснационального публичного порядка; изучить практику применения транснационального публичного порядка международными коммерческими и инвестиционными арбитражами.

4. Изучить возможные перспективы его применения национальными судебными органами.

При написании работы использовались как общенаучные **методы исследования**, в частности анализ и синтез, при помощи которых изучались доктринальные источники, сопоставлялись содержащиеся в них точки зрения, и на основе такого сопоставления суммировались выводы, так и специальные методы юридической науки, например, компаративистский метод, использовавшийся для сравнения подходов российских и китайских судов к применению оговорки о публичном порядке и формально-юридический – для выявления содержания правовых норм.

# Глава 1. Виды оговорки о публичном порядке

## § 1. Национальные виды оговорки о публичном порядке

Термин «публичный порядок» имеет глубокие корни во французском праве, где он является одним из центральных понятий, и из которого он постепенно был заимствован другими национальными правовыми системами. Одновременно публичный порядок был закреплен в некоторых международно-правовых актах, в первую очередь, касающихся международного коммерческого арбитража. Так, например, публичный порядок был упомянут в статье 1 Женевской конвенции 1927 года «О приведении в исполнение иностранных арбитражных решений». В дальнейшем он также был включен в статью 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (далее также – «Нью-Йоркская конвенция 1958 года», «Конвенция»), которая является, пожалуй, наиболее известным и часто применяемым международно-правовым актом, где закреплен этот механизм. При этом известная сложность в применении статьи 5 Конвенции, в целом, механизма публичного порядка связана с тем, что правовые нормы, касающиеся публичного порядка, всегда являются примерами нормативного обобщения и не раскрывают содержание этого понятия. Причина такого подхода проста и связана с правовой природой публичного порядка: сложно нормативно закрепить основы национального правопорядка, если учесть их свойство меняться с течением времени. Более того, базовые устои, на которых строится общество, не являются едиными для всех стран мира, поэтому в каждой стране публичный порядок свой.

Основное назначение публичного порядка – защита национального правопорядка от неблагоприятных последствий действия принципа свободы договора (назначение внутреннего публичного порядка), применения иностранного права или признания и/или приведения в исполнения иностранного судебного или арбитражного решения (назначение

международного публичного порядка). Эта «защитная» функция публичного порядка чаще всего становится объектом научных исследований.

Одновременно публичный порядок может использоваться законодателем для установления пределов осуществления субъективных прав, пределов автономии воли сторон (данная функция публичного порядка присуща внутреннему национальному публичному порядку).<sup>1</sup> В статье 10 Французской декларации прав человека и гражданина 1789 года указано, что «никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом» (в данном случае термин «публичный порядок», очевидно, скрывается под формулировкой «общественный порядок», хотя едва ли возможно однозначно утверждать, что эти понятия тождественны, учитывая, что в разных правопорядках эти термины могут иметь разное содержание).<sup>2</sup> В некоторых странах, например, в США, категория публичного порядка обозначает преобладающие в обществе нравственные нормы.<sup>3</sup> Также отмечается, что категория публичного порядка может использоваться для идентификации норм, наиболее важных для правовой системы, несоблюдение которых влечет такие последствия как, например, отмена судебного акта, вынесенного без их соблюдения.<sup>4</sup>

Международный публичный порядок государства применяется в случае, когда, как отмечает Ю.Г. Богатина, «источник дестабилизации национального публичного порядка возник за пределами территории государства».<sup>5</sup> Обе эти категории публичного порядка имеют корни в национальном праве каждого государства, но внутренний публичный порядок применяется только в правоотношениях, подчиненных национальному праву, содержательно он более широк по сравнению с международным публичным порядком государства.

---

<sup>1</sup> Давыденко Д.Л., Хизунова А.Н. Значение и функции оговорки о публичном порядке в иностранном и российском праве // Закон. 2013. №2 Февраль. С. 32

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. Москва, 2010. С.20.

Внутренний публичный порядок являет собой совокупность императивных норм национального права, от соблюдения которых стороны, вступая в правоотношения между собой, не могут отклониться. Количество таких норм может быть весьма велико, они устанавливают пределы, в рамках которых стороны свободны действовать по своему усмотрению, например, согласовывать условия договора, но не вправе выходить за такие пределы, то есть отменять действие таких норм своим соглашением. В российском праве эта свобода усмотрения, именуемая также «автономией воли сторон», воплощена в частности в пункте 2 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также – «ГК РФ»): «Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора», в статье 421 ГК РФ и является одним из основных принципов российского гражданского права (и частного в целом).

В сфере международного частного права термин «автономия воли» имеет иное содержание: возможность сторон выбрать право, применимое к их отношениям. Этот выбор допускает, что стороны в дальнейшем не будут связаны императивными нормами национального права, которые были бы применимы, если бы возможность выбора права у сторон отсутствовала (иными словами, правоотношения не были бы осложнены иностранным элементом). Очевидно, что различные правовые системы имеют множество отличий, поэтому попытка ограничить свободу усмотрения участников трансграничных частноправовых отношений «внутренними» императивными нормами одного из государств сводила бы на «нет» целесообразность выбора иностранного права. Концепция международного публичного порядка, в свою очередь, допускает нарушение императивных норм государства суда при признании и (или) приведении в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения, но при условии, что результатом этого не станет нарушение особых правовых норм, призванных защитить самые базовые ценности национального



правопорядка. В российском праве такие нормы называются «нормами непосредственного применения» (ранее - «сверхимперативные нормы»; в научной литературе этот термин также широко используется).<sup>6</sup>

Российское право не использует термин «внутренний публичный порядок», вместо этого оперируя термином «публичный порядок Российской Федерации». Это понятие объединяет в себе обе категории национального публичного порядка. В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее также – «АПК РФ») публичный порядок указан как основание для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решений третейских судов по внутренним спорам (пункт 2 части 4 статьи 239 АПК РФ) и иностранных судебных решений, решений международного коммерческого арбитража (пункт 7 части 1 статьи 244 АПК РФ). В Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей от 26.12.2018 Президиум Верховного Суда Российской Федерации (далее также – «Верховный Суд РФ», «ВС РФ») указал, что под публичным порядком в данной статье понимаются

---

<sup>6</sup> В научной юридической литературе нет единого мнения о том, какова связь между сверхимперативными нормами и международным публичным порядком государства в международном частном праве. Так, Крохалев С.В. является противником отождествления этих понятий, указывая на различия в принципах действия этих механизмов: если сверхимперативные нормы являются «активным» инструментом, которые применяются всегда, вне зависимости от того, какое право подлежит применению, то публичный порядок «вступает в действие лишь в случаях установления действительного и эффективного нарушения либо угрозы нарушения фундаментальных ценностей». В сфере международного гражданского процесса сверхимперативные нормы, по мнению Крохалева, составляют «ядро» публичного порядка.

Позиция Литвинского Д.В. несколько отличается: признавая, что данные понятия не являются тождественными, он указывает на отсутствие практического смысла в их разграничении применительно к признанию и исполнению иностранных судебных и арбитражных решений, поскольку действие обоих институтов в случае угрозы национальному правопорядку одинаково. Более ярко различия проявляются в сфере коллизии законов, поскольку публичный порядок позволяет сторонам сделать выбор права, тогда как сверхимперативные нормы в принципе исключают постановку коллизионного вопроса (Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам. Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2005. С. 505).

Существование разных подходов вызвано двумя теориями правовой природы публичного порядка: позитивная и негативная. Позитивная теория рассматривает публичный порядок с позиции права того государства, которое публичный порядок защищает. При таком подходе публичный порядок представляется в виде совокупности правовых принципов, применяемых всегда, вне зависимости от подлежащего применению права. Налицо сходство с механизмом действия сверхимперативных норм. Вторая, «негативная» теория рассматривает публичный порядок как защитную оговорку, позволяющую пресечь действие иностранной правовой нормы (теория является «негативной» именно с точки зрения иностранного права).

Если обратиться к англоязычной литературе, то, на мой взгляд, авторы зачастую не углубляются в изучение вопроса взаимосвязи публичного порядка и сверхимперативных норм, сводя концепцию публичного порядка к «своду правил или принципов, составляющих ядро правовых и нравственных ценностей общества».

«фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства». Это определение совпадает с определением, содержащимся в Обзоре, где впервые в отечественной судебной практике была дана попытка раскрыть содержание термина «публичный порядок». При этом термин «публичный порядок» в Обзоре рассматривается применительно к вопросу исполнения именно иностранного судебного или арбитражного решения, то есть речь идет о международном публичном порядке. Более того, в пункте 4 Обзора подчеркивается, что такая оговорка применяется в исключительных случаях. В свою очередь, пункт 2 части 4 статьи 239 АПК РФ, как следует из части 1 статьи 236 АПК РФ, распространяется на ситуации принудительного исполнения решений как третейских судов, так и международных коммерческих арбитражей. Поэтому Президиум ВС РФ в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей от 26.12.2018, сделав отсылку к Обзору, фактически поставил знак равенства между механизмами внутреннего и международного публичного порядка РФ, что разительно контрастирует с доктриной (включая зарубежную), которая однозначно указывает на различное содержание этих понятий – внутренний публичный порядок шире международного и включает в себя императивные нормы национального законодательства.

Обращает на себя внимание, что высшие судебные инстанции ограничили содержание публичного порядка «фундаментальными правовыми началами». Отсюда возникают вопросы, должны ли быть такие «начала» отражены в правовых нормах, и как публичный порядок соотносится с таким понятием как «основы правопорядка и нравственности», закрепленным в статье 169 ГК РФ? Забегая вперед, отметим, что в правоприменительной практике обозначенные зачастую используются как синонимы.

Комментируя содержание статьи 169 ГК РФ, Конституционный суд Российской Федерации (далее также – «КС РФ») в Определении от 08.06.2004 № 226-О отметил, «что квалифицирующим признаком анτισоциальной сделки является ее цель, то есть достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит - заведомо и очевидно для участников гражданского оборота - основам правопорядка и нравственности».<sup>7</sup>

В 2015 году содержание данной статьи стало также предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда РФ, который был более конкретен в раскрытии термина «основы правопорядка или нравственности». Так, к ним были отнесены основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои».<sup>8</sup>

Таким образом, «основополагающие принципы российского права» и «основы правопорядка» следует признать синонимичными терминами, однако открытым остается вопрос о соотношении публичного порядка и «основ правопорядка или нравственности». Как следует из Постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 29.09.2004 № КГ-А40/7948-04, нарушение публичного порядка возможно и в тех ситуациях, когда нарушаются социальные нормы, в принципе не нашедшие закрепления в праве, что в свою очередь, не вполне соответствует точке зрения Президиума ВАС РФ, изложенной в Обзоре, и недвусмысленно ограничивающей содержание публичного порядка «фундаментальными правовыми началами». Вместе с тем, пункт 1 части 2 статьи 256 АПК РФ указывает, что «поручение иностранного суда или компетентного органа иностранного государства не

---

<sup>7</sup> Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2004 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32028.pdf> (дата обращения: 17.10.2020). Примечательно, что КС РФ, отметил, что желаемый результат заключения сделки может не соответствовать в том числе и нормам морали, то есть нормам, которые не отражены в правовых актах

<sup>8</sup> О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2015. № 5. СПС «КонсультантПлюс».

подлежит исполнению, если исполнение поручения нарушает основополагающие принципы российского права или иным образом противоречит публичному порядку Российской Федерации», то есть содержание публичного порядка (в данном случае международного публичного порядка) не ограничивается лишь теми началами, которые закреплены в правовых нормах.

В доктрине можно встретить точку зрения, согласно которой публичный порядок (международный публичный порядок) представляет собой механизм, применяемый в отношениях с иностранным элементом, а основополагающие принципы российского права – во внутренних правоотношениях.<sup>9</sup> Такая позиция сводит внутренний публичный порядок к «основополагающим принципам российского права», оставляя за скобками императивные нормы права, и подразумевает, что международный публичный порядок представляет собой более широкую категорию, что также расходится с доминирующей точкой доктринальной точкой зрения, которая отстаивает прямо противоположный вывод.

Подытоживая приведенные выше рассуждения, следует признать, что термин «основы правопорядка или нравственности» является синонимичным понятию «международный публичный порядок», а по отношению к понятию «внутренний публичный порядок» является его составной частью. На мой взгляд, в содержание обоих видов публичного порядка следует включить в том числе нормы морали, нравственности, принципы, имеющие особую политическую, социальную, экономическую значимость, которые не отражены в правовых нормах, поскольку, во-первых, это добавляет данному механизму более высокую степень гибкости, что укладывается в общепринятую традицию придания оговорке о публичном порядке «каучукового» характера. Во-вторых, в противном случае, в законодательстве будут сосуществовать два очень схожих по содержанию правовых института, предусмотренных статьями 169 ГК РФ и 1193 ГК РФ, однако нет практического смысла выделения сразу

---

<sup>9</sup> Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам. С. 488.

нескольких подобных категорий. Литвинский Д.В. отмечает, что такие термины как «публичный порядок», «публичный правопорядок», «основополагающие принципы российского права» в любом случае отражают одно и то же: «нормальное и стабильное функционирование национальной социоправовой системы, прежде всего в сфере гражданского оборота, которое в итоге является основой нормального и благополучного функционирования самого государства». <sup>10</sup> Этот же автор делает вывод, что понятие «основы правопорядка» подразумевает не только те принципы, которые прямо зафиксированы в статьях нормативных актов – они могут вытекать из совокупности положений различных правовых актов.<sup>11</sup> В пользу такого вывода говорит и тот факт, что законодатель помимо оговорки о публичном порядке в статье 1193 ГК РФ, в качестве еще одного основания для отказа в применении норм иностранного права ввел нормы непосредственного применения, которые как раз закрепляют основные начала правопорядка (данный вывод следует из пункта 1 Обзора). К слову, международный публичный порядок как особый тип публичного порядка в российском праве также не выделяется, но из содержания статьи 1193 ГК РФ, а также судебной практики следует, что законодатель имел в виду именно эту разновидность публичного порядка. Международный публичный порядок является «льготной» для правоотношений версией внутреннего публичного порядка, допускающей отступление от некоторых национальных правовых норм, которые являются императивными для лиц-участников правоотношений, не осложненных иностранным элементом.<sup>12</sup>

Концепция международного публичного порядка стала результатом консенсуса по вопросу толкования пункта «b» части 2 статьи 5 Нью-Йоркской Конвенции 1958 года, согласно которому в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть также отказано, если

---

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Там же. С. 496. Также: Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. Москва, 2010. С.30.

<sup>12</sup> Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика С.20.

компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны. Фраза «этой страны» недвусмысленно дает понять, что Конвенция 1958 года подразумевает только национальный публичный порядок. В свою очередь, как указывается в Руководстве ЮНСИТРАЛ по Нью-Йоркской Конвенции 1958 года, ссылка на публичный порядок является своего рода предохранительным механизмом, который применяется при тех исключительных обстоятельствах, когда не представляется возможным признать и привести в исполнение то или иное арбитражное решение в правовой системе, не отходя от заложенных в ее основу принципов.<sup>13</sup> Руководство ЮНСИТРАЛ отражает уже давно устоявшуюся и общепринятую позицию, согласно которой национальные суды могут отказать в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений или решений международного коммерческого арбитража только в исключительных случаях, поскольку такой отказ приводит к тяжелому ущемлению прав и интересов лица, которое заинтересовано в исполнении судебного решения на территории другого государства.

## **§ 2. Оговорка о транснациональном публичном порядке**

Однако в XX веке во французской правовой литературе появилась еще одна разновидность публичного порядка, которая на сегодняшний день остается неизвестной российскому законодательству и правоприменительной практике: транснациональный публичный порядок (по мнению Крохалева С.В., сама концепция (т.н. «абсолютный публичный порядок») зародилась еще в конце XIX века).

В научной юридической литературе данный правовой институт иногда именуется «наднациональный» или «действительно международный» публичный порядок; в англоязычной литературе наиболее часто встречаются

---

<sup>13</sup> Секретариат ЮНСИТРАЛ. Руководство по Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Нью-Йорк, 2016 [Электронный ресурс] // UNCITRAL – New York Convention [website]. URL: <http://newyorkconvention1958.org/> (дата обращения: 17.10.2020)

термины «transnational public policy» и «truly international public policy».<sup>14</sup> В редких случаях этим терминам придается разное содержание.<sup>15</sup>

Отметим, что на сегодняшний день концепция транснационального публичного порядка получила развитие преимущественно в сфере международного арбитража, что объясняется, прежде всего, значительно менее тесной связью с правопорядком того или иного государства по сравнению с национальными судами.

Транснациональный публичный порядок иногда рассматривается как «противовес» международному публичному порядку.<sup>16</sup> Если международный публичный порядок и внутренний публичный порядок являются двумя гранями одного и того же публичного порядка – публичного порядка каждого конкретного государства, то транснациональный публичный порядок не является публичным порядком государства в принципе; он является международно-правовым институтом и отражает фундаментальные моральные и правовые принципы, признаваемые всеми «цивилизованными странами» (термин из пункта 3 статьи 38 Статута Международного Суда ООН).<sup>17</sup> Эти принципы являются универсальными стандартами поведения, принятыми в цивилизованном обществе и осуждающими такие явления как рабство,

---

<sup>14</sup> Однако термин «транснациональный публичный порядок» как таковой был впервые использован только в 80-х годах XX века. Kessedjian C. Transnational Public Policy [Electronic resource] // International Arbitration 2006: Back to Basics? / ed. Albert Jan Van den Berg, ICCA Congress Series. 2007. № 13. P. 857. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn31653?q=Transnational%20Public%20Policy> (дата обращения: 18.10.2020) Режим доступа: Kluwer Arbitration

<sup>15</sup> Согласно традиционной классификации существуют три вида публичного порядка: национальный публичный порядок государства, международный публичный порядок государства, транснациональный публичный порядок. Иногда дополнительно выделяется региональный публичный порядок как подвид транснационального. Однако в юридических исследованиях можно найти и пятиэлементную классификацию, где региональный публичный порядок представляет собой отдельный вид публичного порядка, а транснациональный и «действительно международный» публичный порядок образуют самостоятельные категории. Различия между ними сводятся к тому, что транснациональный публичный порядок – это принципы, лежащие исключительно в основе *lex mercatoria*, тогда как «действительно международный публичный порядок» охватывает также основы морали и справедливости, принятые «цивилизованными нациями» / всем международным сообществом, и основы международного публичного права, содержащиеся в источниках, указанных в Статье 38 (1) Статута Международного суда ООН. См. Fry James D. Desordre Public International under the New York Convention: Wither Truly International Public Policy // Chinese Journal of International Law. 2009. vol. 8, № 1. P. 85-89.

<sup>16</sup> Margaret L. Moses. Chapter 11: Public Policy under the New York Convention: National, International, and Transnational // 60 Years of the New York Convention: Key Issues and Future Challenges / eds Katia Fach Gomez, Ana M. Lopez-Rodriguez. The Netherlands, 2019. P. 179.

<sup>17</sup> Там же.

взяточничество, пиратство, убийство, терроризм, коррупция и так далее.<sup>18</sup> Поэтому в значительной степени транснациональный публичный порядок состоит из правовых предписаний, нарушение которых в подавляющем большинстве национальных правопорядков карается нормами уголовного законодательства. Иногда отмечается, что транснациональный публичный порядок отражает «общечеловеческую мораль».<sup>19</sup> Однако концептуально транснациональный публичный порядок и национальный публичный порядок схожи, поэтому их противопоставление некоторыми исследователями автору данной работы представляется не вполне корректным.

С точки зрения содержания транснациональный публичный порядок представляет собой категорию более узкую и неопределенную даже по сравнению с международным публичным порядком государства, хотя представляется, что разница между этими категориями не столь значительна, как например между международным и внутренним публичными порядками. В конце концов, международный публичный порядок государства формируется под влиянием норм и принципов, входящих в транснациональный публичный порядок.

Крохалев С.В. выделяет следующие правовые принципы, которые, по его мнению, составляют содержание транснационального публичного порядка: «*pacca sunt servanda*, требование добросовестности, принцип запрета злоупотребления правом, запрет коррупции и соглашений, его нарушающих, фундаментальные права и свободы человека, признание определенных вещей вне коммерческого оборота (в частности, атомного, химического и бактериологического оружия), защита культурного наследия, защита окружающей среды».<sup>20</sup>

В учебнике международного частного права под редакцией Лебедева С.Н. и Кабатовой Е.В. отмечается, что в содержание транснационального

---

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. С.23.

<sup>20</sup> Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе: монография. Екатеринбург, 2006.



публичного порядка входят общепризнанные принципы и нормы международного права, запреты расовой и религиозной дискриминации, коррупции, контрабанды.<sup>21</sup> При этом в качестве возможных источников данного правового института указываются Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека ООН (1948) и Пакты гражданских прав (1966).<sup>22</sup>

Асосков А.В., ссылаясь на одного из главных идеологов концепции транснационального публичного порядка, швейцарского исследователя Пьера Лалива (Pierre Lalive), указывает, что в эту категорию могут включаться такие принципы как запрет коррупции для государственных и муниципальных служащих; запрет финансирования действий, направленных на свержение признанных легитимными правительств; запрет финансирования террористических организаций; запрет незаконного оборота оружия (точнее, Пьер Лалив, указывает на торговлю оружием между частными лицами)<sup>23</sup> и наркотических веществ; запрет работоторговли и приравненных к ней действий.<sup>24</sup> Также швейцарский ученый относит в эту же категорию контракты, связанные с убийством, похищениями людей, либо «подрыв или уклонение от императивных законов суверенного государства (например, посредством использования наемников) или нарушения прав человека».<sup>25</sup>

Также иногда в содержание этой категории включаются запрет торговли наркотиками, проституция, экспроприация без компенсации стоимости имущества.<sup>26</sup> Как можно заметить, несмотря на «узость» содержания категории транснационального публичного порядка по сравнению с другими его разновидностями, границы содержания транснационального публичного порядка все равно очень размыты. Перечисленные выше принципы

---

<sup>21</sup> Международное частное право. Учебник в 2 т. / Под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой, Статут. 2011. С. 198.

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy and International Arbitration // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration, ICCA Congress Series / ed. Pieter Sanders. 1987. vol. 3. P. 294.

<sup>24</sup> Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. Инфотропик Медиа. 2012. С. 420.

<sup>25</sup> Там же. Этот же автор считает, что аналогичные выводы могут быть сделаны в отношении контрактов, связанных с незаконной передачей культурных ценностей, но нужно отметить, что международный консенсус, существующий в этой области, довольно ограничен, поскольку есть конфликт интересов между государствами импортирующими и экспортирующими культурные ценности, особенно артефакты и предметы искусства»

<sup>26</sup> Seelig, Marie Louise. The Notion of Transnational Public Policy and Its Impact on Jurisdiction Arbitrability and Admissibility // Annals of the Faculty of Law in Belgrade International Edition. 2009. P.125.

действительно широко признаются в мировом сообществе, однако закономерно встает вопрос, насколько тот или иной принцип должен быть универсальным, чтобы считаться составной частью транснационального публичного порядка?

Кэтрин Кесседжан, профессор Парижского университета указывает, что транснациональный публичный порядок «состоит из императивных норм, которые могут быть использованы в отношении участников рынка либо потому что эти нормы были ими самими созданы, либо гражданским обществом в целом, либо потому что они получили широкое признание обществами по всему миру. Эти нормы стремятся быть универсальными. Они являются признаком зрелости международных сообществ (торговцев и гражданских обществ), которые очень хорошо осознают, что у предпринимаемых ими действий есть пределы».<sup>27</sup>

Известный специалист в сфере международного арбитража Одли Шеппард отмечает, что под термином «транснациональный публичный порядок» понимаются принципы, «отражающие международный консенсус касательно универсальных стандартов и норм поведения, которые должны применяться всегда. Концепция «транснационального публичного порядка», как считается, включает фундаментальные принципы естественного права, принципы всеобщей справедливости, нормы «*jus cogens*» в международном публичном праве и общие принципы морали, разделяемые тем, что называется, «цивилизованными нациями».<sup>28</sup>

В 2002 году на конференции в Нью-Дели Комитет Ассоциации международного права (International Law Association) по международному коммерческому арбитражу представил доклад, содержащий рекомендации по

---

<sup>27</sup> Там же. P.122. Kessedjian C. Transnational Public Policy [Electronic resource] // International Arbitration 2006: Back to Basics? / ed. Albert Jan Van den Berg, ICCA Congress Series. 2007. № 13. P. 857. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn31653?q=Transnational%20Public%20Policy> (дата обращения: 17.10.2020) Режим доступа: Kluwer Arbitration

<sup>28</sup> Quoted in A. Sheppard. Public Policy and the Enforcement of Arbitral Awards: Should there be a Global Standard?», Transnational Dispute Management 1/2004, 1, 3. Seelig, Marie Louise. The Notion of Transnational Public Policy and Its Impact on Jurisdiction Arbitrability and Admissibility // Annals of the Faculty of Law in Belgrade International Edition. 2009. P.122.

применению оговорки о публичном порядке государственными судами (далее также – «Доклад»)).<sup>29</sup>

В Рекомендациях 2 (а) и 2 (б) отмечается следующее: «суд, проверяя арбитражное решение на предмет соответствия фундаментальным принципам, как материальным, так и процессуальным, должен обращаться к таким фундаментальным принципам, которые считаются таковыми именно в его правовой системе, а не в контексте права, которое является применимым к контракту, права места исполнения контракта или права места арбитража».

И далее: «Тем не менее, определяя, является ли принцип, составляющий часть правовой системы, достаточно фундаментальным для отказа в признании или приведении в исполнение международного коммерческого арбитража, суд должен принять во внимание, с одной стороны, международный характер спора и его связь с правовой системой места приведения в исполнение решения, и, с другой стороны, наличие консенсуса в мировом сообществе относительно существования исследуемого принципа (международные договоры могут свидетельствовать о наличии такого консенсуса). Если консенсус существует, то для описания таких норм может использоваться термин «транснациональный публичный порядок».<sup>30</sup> Особо подчеркивается, что суду следует изучить практику других судов, а также другие источники (в том числе доктринальные) при исследовании данного вопроса с целью обеспечения согласованного подхода при определении содержания публичного порядка.<sup>31</sup>

В пункте 43 Доклада приводятся составляющие транснационального публичного порядка: фундаментальные принципы естественного права, принципы справедливости, нормы *jus cogens* международного публичного права, основные принципы морали, признаваемые «цивилизованными нациями». При этом далее отмечается, что концепция транснационального публичного порядка слабо поддерживается национальными судами.

---

<sup>29</sup> ILC final report on international public policy 2002 [Electronic resource] // Academia.edu: [Website]. - URL: [www.academia.edu/18312524/ILC\\_FINAL\\_REPORT\\_ON\\_PUBLIC\\_POLICY\\_AS\\_A\\_BAR\\_TO\\_ENFORCEMENT\\_OF\\_INTERNATIONAL\\_ARBITRAL\\_AWARDS\\_NEW\\_DELHI\\_2002\\_](http://www.academia.edu/18312524/ILC_FINAL_REPORT_ON_PUBLIC_POLICY_AS_A_BAR_TO_ENFORCEMENT_OF_INTERNATIONAL_ARBITRAL_AWARDS_NEW_DELHI_2002_) (дата обращения: 18.10.2020)

<sup>30</sup> Там же.

<sup>31</sup> Там же.

Руководство по применению Нью-Йоркской Конвенции 1958 года, составленное ЮНСИТРАЛ, также упоминает транснациональный публичный порядок, правда, иллюстрирует его, на мой взгляд, не вполне корректным примером: в тексте приводится правовая позиция Верховного суда Индии, который, отметив затруднительность выработки определения «транснационального понятия публичного порядка», руководствовался принципом, согласно которому понятие публичного порядка, содержащееся в пункте «b» части 2 статьи 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года, следует толковать как означающее публичный порядок государства, в котором испрашивается приведение в исполнение.<sup>32</sup> В действительности Верховный суд Индии затруднялся вывести из упомянутой статьи Конвенции 1958 года определение именно международного публичного порядка (*international public policy*), а не транснационального, что прямо следует из содержания рассуждений суда, который обращался, в частности, к французскому праву, которое, в отличие от индийского, выделяет два уровня национального публичного порядка – внутренний и международный.<sup>33</sup> Сама идея того, что в пункте «b» части 2 статьи 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года подразумевается транснациональный публичный порядок противоречит самой цели, с которой это положение было включено в текст Конвенции: дать

---

<sup>32</sup> Секретариат ЮНСИТРАЛ. Руководство по Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Нью-Йорк, 2016 [Электронный ресурс] // UNCITRAL – New York Convention [Website]. URL: <http://newyorkconvention1958.org/> (дата обращения: 27.11.2020)

<sup>33</sup> Пункт 36 Решения Верховного суда Индии от 07.10.1993 по делу *Renusagar Power Co. Ltd v. General Electric Co.*: «In France, a distinction is made between international public policy (*ordre public international*) and the national public policy. Under the new French Code of Civil Procedure, an international arbitral award can be set aside if the recognition or execution is contrary to international public policy. In doing so it recognises the existence of two levels of public policy - the national level, which may be concerned with purely domestic considerations, and the international level, which is less restrictive in its approach (See: Redfern and Hunter, *Law and Practice of International Commercial Arbitration*, 2nd ed., p. 445). According to Redfern and Hunter, 'if a workable definition of "international public policy" could be found, it would be an effective way of preventing an award in an international arbitration from being set aside for purely domestic policy considerations.' But in the absence of such a definition 'there are bound to be practices which some states will regard as contrary to international public interest and other states will not. *Renusagar Power Co. Ltd v. General Electric Co.* [Electronic resource]: Judgment of Supreme Court of India on 7 October, 1993 // *Kluwer Arbitration*: [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn5505?q=public%20policy&jurisdiction=India&type=Legislation> (дата обращения: 28.11.2020)

Следует также отметить, что транснациональный публичный порядок в англоязычной литературе иногда обозначается как «*international public policy*», что может вносить путаницу, поскольку чаще в это словосочетание используется применительно к международному публичному порядку государства.

государствам возможность защититься от неблагоприятных последствий исполнения решения международного коммерческого арбитража.

Однако эта, на первый взгляд, очевидная позиция не разделяется некоторыми авторами, которые полагают, что разработчики упомянутой конвенции подразумевали под публичным порядком именно его «транснациональную» версию. Публичные порядки многих государств на сегодняшний день заключают в себе некоторые схожие ценности, составляющие фундамент различных правовых систем. Деятельность ряда международных организаций, например, УНИДРУА или ЮНСИТРАЛ способствуют постепенному сближению в том числе и национальных публичных порядков. Примерами таких «универсальных» ценностей могут служить права человека, приоритет охраны которых закреплен во Всеобщей декларации прав человека 1948 года и других международно-правовых актах, в конституциях множества государств (хотя такой пример не всегда находит поддержку юридического сообщества, поскольку существует мнение, что сфера применения транснационального публичного порядка ограничивается международным торговым оборотом). В исследовательской литературе отмечается, что судебная практика Европейского суда по правам человека формирует общеевропейский публичный порядок, который можно отнести к подвиду транснационального публичного порядка – региональному публичному порядку.<sup>34</sup>

Таким образом, идея транснационального публичного порядка предполагает существование некоего сообщества, отличного от сообщества каждого отдельно взятого государства или региона, а также существование особого корпуса фундаментальных ценностей, которые в таком сообществе признаются. Таким сообществом следует признать все мировое сообщество.<sup>35</sup> При этом, те принципы, которые составляют содержание транснационального публичного порядка, очень часто совпадают с содержанием международных

---

<sup>34</sup> Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам. С. 531.

<sup>35</sup> Chukwumerije O. Mandatory Rules of Law of International Commercial Arbitration // African Journal of International and Comparative Law. 1993. vol. 5, no. 3. P. 576

публичных порядков государств, хотя, безусловно, эти две категории транснационального публичного порядка не тождественны. Одним из примеров такого «несовпадения», который приводится в исследованиях, является игорный бизнес, который в некоторых странах запрещен, рассматривается как нарушающий общественную мораль, но его запрет не относится к тем фундаментальным ценностям всего мирового сообщества, которые включаются в транснациональный публичный порядок.<sup>36</sup>

Некоторые исследователи проводят параллели между нормами *jus cogens* в международном публичном праве и публичным порядком в международном частном праве.<sup>37</sup> Статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1963 года определяет норму *jus cogens* как «норму, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».

### **§ 3. Применение оговорки о транснациональном публичном порядке государственными судами**

В исследовательской литературе встречаются попытки отыскать применение транснационального публичного порядка для защиты национальных правопорядков, несмотря на то, что практическая ценность транснационального публичного порядка как правового института в этой области весьма туманна. Так, транснациональный публичный порядок состоит из ряда широко признаваемых ценностей, которые уже содержатся в большинстве национальных правопорядках, являются их ядром. Проще говоря, те ценности, которые входят в содержание публичного порядка, и так признаются национальными публичными порядками. В такой ситуации национальному суду нет необходимости обращаться к такому механизму как

---

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> Buchanan M. Public Policy and International Commercial Arbitration // American Business Law Journal. 1988. vol. 26, no. 3. P. 530.

транснациональный публичный порядок, кроме как для придания большего веса своим аргументам.

В этом контексте стоит упомянуть Постановление КС РФ от 19.01.2017 № 1-П, которое является едва ли не единственным примером в российской правоприменительной практике, когда суд обратился к категории универсального публичного порядка, хотя и без использования слова «транснациональный».<sup>38</sup> Конституционный суд РФ, рассуждая о возможности исполнения решения Европейского суда по правам человека и соотношении его решений с положениями Конституции Российской Федерации, указал буквально следующее: «Так, статьей 26 Венской конвенции о праве международных договоров закреплён фундаментальный принцип международного права *pacta sunt servanda*. Вместе с тем не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему государства как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому ему в процессе применения межгосударственным органом, уполномоченным на это самим международным договором, соответствовал основному закону (конституции) данного государства, впоследствии посредством одного лишь толкования межгосударственным органом был содержательно конкретизирован, причём таким образом, что его положениям был придан смысл, расходящийся с общеобязательными нормами, относящимися к международному публичному порядку (*jus cogens*), в число которых, безусловно, входят принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств».

И далее: «Соответственно, постановление ЕСПЧ не может считаться обязательным для исполнения Российской Федерацией, если конкретное положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на которое

---

<sup>38</sup> Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО Нефтяная компания "ЮКОС"» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701200011?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 28.11.2020)

опирается это постановление, в результате толкования, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, по своему смыслу вступает в противоречие с имеющими свои основания в международном публичном порядке и формирующими национальный публичный порядок положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина и к основам конституционного строя России».

Хотя Конституционный суд РФ использовал термин «международный публичный порядок», в данном контексте явно подразумевался именно транснациональный публичный порядок, в котором «имеют основания» положения Конституции РФ, а не международный публичный порядок по смыслу статьи 1193 ГК РФ. С такой точки зрения решение ЕСПЧ (точнее, то расширительное толкование положений Европейской конвенции по правам человека, которое избрал ЕСПЧ), вступает в противоречие уже не просто с нормами Конституции РФ, а с основными принципами международного права (в данном случае принцип уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств).<sup>39</sup>

Так или иначе, такая разновидность публичного порядка не может выполнять традиционную для национальных категорий публичного порядка, защитную функцию, поскольку транснациональный публичный порядок не учитывает те основы правопорядка, которые существуют в стране, где испрашивается признание и исполнение иностранного судебного решения, но в то же время не могут быть отнесены к универсальным правовым принципам. В такой ситуации судья государственного суда, обращаясь к транснациональному публичному порядку, рискует признать и привести в исполнение иностранное судебное или арбитражное решение, нарушающее международный публичный порядок государства – места исполнения такого решения.

---

<sup>39</sup> Литвинский Д.В. отмечает, что во французской доктрине, где идея транснационального публичного порядка является наиболее развитой, существует мнение, что сфера применения этого правового института ограничена исключительно международным коммерческим оборотом, поэтому, например, права человека не входят в его содержание. (Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам. С. 536). Этот подход, вероятно, предполагает, что основным источником транснационального публичного порядка является *lex mercatoria*. С. 536. С другой стороны, между частными лицами возможно заключение контрактов, чей предмет нарушает права человека (например, контракт, предусматривающий торговлю людьми).



Между тем, некоторые исследователи пытаются обосновать целесообразность обращения национального суда к концепции транснационального публичного порядка, апеллируя к ее «позитивной» функции. В основе такой позиции лежат следующие рассуждения.

Любое государство является частью международного сообщества. Обращение национального суда к концепции транснационального публичного порядка является демонстрацией такого членства, подтверждением того, что национальный правопорядок солидарен с теми моральными и правовыми принципами, которые поддерживаются международным сообществом; что в правовой системе провозглашается принцип «верховенства права». При этом под «верховенством права» в данном случае следует понимать правовые принципы, которые сформировались и применяются множеством правопорядков по всему миру. Кроме того, транснациональный порядок является тем ограничителем, который сдерживает национальный публичный порядок государства от его расширительного применения.<sup>40</sup> Границы национальных категорий публичного порядка также размыты, поэтому практика применения судами оговорки о публичном порядке может варьироваться даже в пределах одного государства. Транснациональный публичный порядок же устанавливает более узкие рамки для национального публичного порядка, способствуя их более единообразному и ограниченному применению. Этот подход не означает, что государственный суд обязан руководствоваться исключительно «международным» пониманием морали, справедливости, базовых правовых принципов. Цель обращения к транснациональному публичному порядку – уменьшить риск того, что в содержание национального публичного порядка будут включены правовые нормы, не настолько значимые, чтобы от их защиты нельзя было отказаться при приведении в исполнение иностранного судебного или арбитражного

---

<sup>40</sup> Trakman L. Aligning State Sovereignty with Transnational Public Policy // Tulane Law Review. 2018. vol. 93, no. 2. P. 223

решения.<sup>41</sup> Также транснациональный публичный порядок, сужая содержание национальных категорий публичного порядка, препятствует тому, что под предлогом охраны публичного порядка фактически будут, например, защищаться частные интересы лиц, заинтересованных в том, чтобы то или иное иностранное судебное или арбитражное решение не было приведено в исполнение.

Идея об ограничительном применении национального публичного порядка даже вызвала дискуссию среди стран при обсуждении проекта Нью-Йоркской конвенции 1958 года: некоторые специалисты предлагали трактовать термин «публичный порядок», содержащийся в «b» части 2 статьи 5 Конвенции, именно как транснациональный публичный порядок, поскольку, по их мнению, Конвенция призвана создать единообразную общемировую систему признания и приведения в исполнение арбитражных решений.<sup>42</sup> Тогда всеобщего одобрения эта идея не получила, что, однако, не завершило дискуссию о целях принятия Конвенции. Окончательные формулировки положений этого международного соглашения прямо не закрепили приведенную выше идею, однако, как полагают некоторые исследователи, имплицитная цель создания «универсального режима признания и исполнения арбитражных решений» осталась, и государства должны стремиться к ее достижению, поскольку, согласно части 1 статьи 31 Конвенции о праве международных договоров 1969 года, «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора».<sup>43</sup> Минусом такого подхода является то, что он значительно расширяет буквальный смысл положений конвенции, в частности, о публичном порядке.

Таким образом, обращение национальных судов к транснациональному публичному порядку, а также закрепление в национальном праве тех

---

<sup>41</sup> Там же. P. 229

<sup>42</sup> Fry James D. Desordre Public International under the New York Convention: Wither Truly International Public Policy // Chinese Journal of International Law. 2009. vol. 8, № 1. P. 120.

<sup>43</sup> Fry James D. Desordre Public International under the New York Convention: Wither Truly International Public Policy // Chinese Journal of International Law. 2009. vol. 8, № 1. P. 120.

принципов, которые входят в содержание этого правового института способствует выработке единообразной и предсказуемой правоприменительной практики признания и исполнения иностранных судебных и арбитражных решений. В то же время этот подход не предполагает, что суд будет следовать исключительно принципам транснационального публичного порядка (это противоречило бы даже буквальному толкованию части 2 статьи 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года, которая содержит формулировку «публичный порядок этой страны», то есть страны места приведения в исполнения иностранного судебного акта или арбитражного решения), отказываясь от поддержки и защиты принципов, которые признаются исключительно важными для сохранения национальной «правовой идентичности». <sup>44</sup> Нормы транснационального публичного порядка скорее помогают отделить те правовые принципы, поддержка которых может привести к несправедливости, безосновательному ущемлению интересов стороны спора, от тех, которые действительно лежат в основе национального правопорядка и заслуживают безусловной защиты в ущерб частным интересам.

Разумеется, подобные рассуждения могут выглядеть не более чем юридической схоластикой, оторванной от реальности. Такого рода идеи можно также трактовать как подрывающие национальный суверенитет, и умаляющие «защитную» функцию национального публичного порядка. Вопрос целесообразности применения национальными судами транснационального публичного порядка является крайне дискуссионным (и, по всей видимости, останется таковым в обозримом будущем), и автор данной работы не ставит своей целью доказать или опровергнуть корректность того или иного подхода к его разрешению, поскольку в основе разных подходов лежат принципиально отличающиеся воззрения на содержание транснационального публичного порядка, роль оговорки о публичном порядке, целях Нью-Йоркской конвенции 1958 года и так далее. В целом сама концепция транснационального публичного порядка свойственна больше либеральной западной правовой

---

<sup>44</sup> Там же.

традиции, лучше знакомой с идеей естественного права, которая во-многом лежит в основе теории транснационального публичного порядка. Представляется, что в тех правовых системах, где сам институт публичного порядка появился относительно недавно, или правовая система сконструирована под сильным влиянием местных социокультурных или политических особенностей, он рассматривается, прежде всего, как утилитарный инструмент с вполне конкретной задачей – защитой национального правопорядка. Применительно к признанию и исполнению иностранных судебных или арбитражных решений, то в 2005 году Литвинский Д.В, отметил, что «восприятие данной области [признание и приведение в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения – прим.автора] пока еще слишком сильно связывается с понятием государственного суверенитета», поэтому идея использования категории транснационального порядка в этой области на тот момент показалась ему преждевременной. Сейчас, спустя 15 лет, на мой взгляд, ситуация не изменилась.

Однако несмотря на внешнюю эфемерность изложенных выше идей, нельзя не отметить, что в сущности они нацелены на решение вполне «приземленной» проблемы расширительного толкования национального публичного порядка. Не случайно в юридических исследованиях термин «публичный порядок» нередко называют «неуправляемой лошадью» (*unruly horse*), поскольку в руках разных правоприменителей она ведет себя по-разному и зачастую непредсказуемо (в системе континентального права публичный порядок иногда называют «хамелеоном»).<sup>45</sup> Такая непредсказуемость очень болезненна для международного коммерческого арбитража, эффективность и востребованность которого напрямую зависит от возможности принудительно исполнить его решение. Поэтому обращение к транснациональному публичному порядку может стать для суда тем инструментом, который

---

<sup>45</sup> Chang-fa Lo. Principles and Criteria for International and Transnational Public Policies in Commercial Arbitration // Contemporary Asia Arbitration Journal. 2008. vol. 1, no. 1. P 70. Ещё одним отражением этой проблемы стало то, что французский термин «*ordre public*» иногда стал в юридической литературе иронично именоваться «*disordre public*». Fry James D. Desordre Public International under the New York Convention: Wither Truly International Public Policy // Chinese Journal of International Law. 2009. vol. 8, № 1. P. 81.

поможет справиться с этой проблемой, поскольку в международном праве отсутствует и едва ли может появиться механизм, который бы накладывал на государственные суды обязанность следовать некому согласованному подходу в признании и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений.

#### **§ 4. Применение оговорки о транснациональном публичном порядке международными арбитражами**

Стоит подробнее остановиться на том, как транснациональный публичный порядок применяется международными арбитражами, раз уж появилась данная категория именно в этой сфере. Подавляющее большинство исследований категории транснационального публичного порядка, изученных автором данной работы, даже не рассматривают транснациональный публичный порядок вне области арбитража.<sup>46</sup>

Предпосылками появления особой разновидности публичного порядка именно в этой сфере в первую очередь стало отсутствие, как уже было отмечено ранее, тесной связи международного арбитража с правопорядком того или иного государства. Так, согласно автономной теории (иногда называется теорией делокализации) правовой природы международного коммерческого арбитража, легитимность арбитражу придает особый «автономный» правопорядок, не зависящий от национальных правопорядков.<sup>47</sup> Эта теория, в числе прочего, предполагает, что арбитры могут не следовать сверхимперативным нормам (в англоязычной литературе такие нормы чаще всего называются «mandatory norms»), как *lex arbitri*, так и правопорядков, где

---

<sup>46</sup> Например, Крохалев С.В. в своей работе в принципе не рассматривает транснациональный публичный порядок вне сферы международного арбитража. Кстати, этот же автор указывает на то, что сам термин «транснациональный публичный порядок» применяется именно в сфере международного арбитража, тогда как «действительно международный публичный порядок» используется государственными судами.

<sup>47</sup> Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. С. 358. Существуют различные классификации теорий, пытающихся объяснить правовую природу арбитража. В работе Асоскова А.В., приводится классификация, где помимо автономного подхода выделяются территориальный и мультилокальный. Согласно территориальному подходу арбитраж рассматривается в качестве правового института места рассмотрения спора, тесно привязан к этому правопорядку и обязан руководствоваться сверхимперативными нормами *lex arbitri*. Мультилокальный подход предполагает, что арбитраж должен руководствоваться сверхимперативными нормами тех правопорядков, где решение будет приводиться в исполнение. В исследовании Засемковой О.Ф. (Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика. Инфотропик Медиа. 2018. С. 260) в одном ряду с теорией делокализации выделяются договорная, процессуальная, гибридная теории.

решение будет приводиться в исполнение, обращаясь исключительно к транснациональному публичному порядку, принципы которого входят, например, в *lex mercatoria* (точнее, являются императивными нормами *lex mercatoria*, если рассматривать *lex mercatoria* как некий самостоятельный от национальных правовых систем правопорядок).<sup>48</sup> Также сами стороны арбитражного разбирательства имеют возможность выбрать не конкретный национальный правопорядок в качестве применимого материального права, а, например, нормы *lex mercatoria*.<sup>49</sup> Выбор в пользу *lex mercatoria* может сделать и сам арбитр (ICC International Court of Arbitration Case № 8385/1995).<sup>50</sup> Кроме того, арбитр может выступать в роли «дружеского посредника» (*amiable compositeur*) и выносить решение на основе принципов справедливости, руководствуясь только широко признаваемыми в мировом сообществе правовыми принципами.<sup>51</sup> В деле ICC № 6503/1990 истец настаивал, что контракт недействителен, поскольку противоречит антимонопольному законодательству Европейского союза. Коллегия арбитров, рассматривая спор в Швейцарии как «дружественный посредник», указала, что императивные нормы, как места рассмотрения спора, так и любого другого правопорядка в таком процессе неприменимы, положения антимонопольного законодательства ЕС не являются частью транснационального публичного порядка.<sup>52</sup> Считается, что описанных выше случаях автономию воли сторон могут ограничить только нормы транснационального публичного порядка.<sup>53</sup>

---

<sup>48</sup> Там же.

<sup>49</sup> Fouchard Gaillard Goldman on International Commercial Arbitration / eds Emmanuel Gaillard, John Savage. The Netherlands, 1999. P. 32.

<sup>50</sup> ICC International Court of Arbitration Case № 8385/1995 [Electronic resource] // Trans-Lex.org [Website]. URL: [https://www.trans-lex.org/208385/\\_/icc-award-no-8385-clunet-1997-at-1061-et-seq/#head\\_0](https://www.trans-lex.org/208385/_/icc-award-no-8385-clunet-1997-at-1061-et-seq/#head_0)

<sup>51</sup> Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам. С. 538.

<sup>52</sup> Calliess Graf-Peter, Moritz Renner. Transnationalizing Private Law – The Public and the Private Dimensions of Transnational Commercial Law // German Law Journal. 2009. vol. 10, no. 10. P. 1350.

<sup>53</sup> Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. С. 369. В юридических исследованиях по данной теме можно даже встретить разграничение норм, входящих в содержание транснационального публичного порядка, с точки зрения цели их включения в содержание этого механизма. Так, согласно одной из теорий, к ним относятся принципы, имеющий широкое признание среди национальных правопорядков, тогда как другая теория настаивает на том, что в транснациональный публичный порядок следует включать принципы, которые наилучшим образом отвечают нуждам международного коммерческого сообщества (См. Farshad G. Fall of Last Safeguard in Global Dejudicialization: Protecting Public Interest in Business Disputes // Oregon Law Review, vol. 98, no. 1, 2020. P. 144.)

Эммануэль Гайяр (E. Gaillard) в авторитетном труде «Fouchard Gaillard Goldman on International Commercial Arbitration», посвященном международному коммерческому арбитражу, указывает, что арбитры стремятся вынести максимально эффективное решение, и для этого им все же следует принимать во внимание публичный порядок тех государств, где решение нужно будет привести в исполнение.<sup>54</sup> При этом просто учитывать особенности публичного порядка нескольких стран недостаточно, также не стоит игнорировать и базовые требования справедливости.<sup>55</sup> Поскольку основания полномочий арбитров по сути проистекают из права нескольких стран – тех, которые выражают готовность признать арбитражное решение на определенных условиях – то, в этой связи, арбитры, рассматривающие международный спор, не должны быть связаны только одним пониманием категории международного публичного порядка (то есть пониманием, принятым в одной стране). Стремление арбитров вынести решение, которое не нарушит публичный порядок одного или нескольких стран, не должно преобладать над универсальными стандартами правосудия и справедливости. Крохалев С.В., комментируя эту мысль, отмечает, что «в этом смысле именно обращение к концепции транснационального публичного порядка способно обеспечить решению максимальную эффективность».<sup>56</sup>

Э. Гайяр, как видно из его рассуждений, придерживается мультилокального подхода к правовой природе арбитража, которая, носит более прикладной характер по сравнению с автономной теорией арбитража – по моему мнению, больше теоретической и слишком отстраненной от ключевого вопроса приведения в исполнение решения международного коммерческого арбитража. Даже если считать, что в транснациональный публичный порядок входят только принципы международного коммерческого оборота, являющиеся составной частью *lex mercatoria*, едва ли ссылка на них будет иметь

---

<sup>54</sup> Fouchard Gaillard Goldman on International Commercial Arbitration. P. 862.

<sup>55</sup> Там же.

<sup>56</sup> Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе: монография. Екатеринбург, 2006.

практический эффект, если такие принципы не поддерживаются национальными правовыми порядками.

Поэтому арбитры могут принять во внимание транснациональный публичный порядок как базовый правовой стандарт, но при этом они также должны принять во внимание и то, как понимается публичный порядок в тех странах, где планируется приводить в исполнение арбитражное решение, а также нормы непосредственного применения тех правовых порядков, с которыми исполнение контракта тесно связано.<sup>57</sup> В данном случае защитная функция этой категории публичного порядка проявляется в защите всеобщих ценностей, признаваемых международным сообществом.<sup>58</sup> Причем защиту осуществляет как арбитраж, ссылающийся на транснациональный публичный порядок, так и суд, признающий арбитражное решение с подобным аргументом. Как однажды отметил Апелляционный суд Парижа, «безопасность международных коммерческих и финансовых отношений требует признания [существования – прим.автора] публичного порядка, который если и не является универсальным, то хотя бы признается различными правовыми системами».<sup>59</sup> Проще говоря, основное назначение транснационального публичного порядка – это защита непосредственно арбитражного решения, и используется такой механизм составом международного арбитража, не имеющего *lex fori*. В частности, арбитр должен отказаться применять императивную норму применимого права, если она вступает в противоречие с транснациональным публичным порядком.<sup>60</sup> Например, если национальный закон устанавливает какие-либо ограничения, основанные на расовой или религиозной сегрегации.<sup>61</sup> Правда, представляется, что сейчас возникновение подобных ситуаций маловероятно.

---

<sup>57</sup> Даже если это нормы, которые являются «иностранными» по отношению к тому материальному праву, которые стороны контракта избрали своим соглашением.

<sup>58</sup> Литвинский Д.В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам. С. 534.

<sup>59</sup> Okezie C. Mandatory Rules of Law of International Commercial Arbitration // *African Journal of International and Comparative Law*, vol. 5, no. 3, 1993. P.577.

<sup>60</sup> Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. Волтерс Клувер, 2008. С. 135. В научной литературе доминирует мнение, что это является именно обязанностью арбитра.

<sup>61</sup> Okezie C. Mandatory Rules of Law of International Commercial Arbitration. P.577



В научной литературе широко распространено мнение, что арбитраж обязан отказать в рассмотрении споров, вытекающих из контрактов, которые противоречат транснациональному публичному порядку, то есть признать отсутствие своей юрисдикции на рассмотрение спора.<sup>62</sup> Это проявление «негативной» функции транснационального публичного порядка, которая вступает в действие на так называемой «admissibility stage», то есть когда решается вопрос, должен ли быть тот или иной спор в принципе рассмотрен составом арбитража.

Например, контракты, предмет которых фактически представляет собой дачу взятки, традиционно признаются недействительными, поскольку запрет коррупции является составной частью транснационального публичного порядка. Ярким примером подобной ситуации является дело № 1110, которое администрировалось Международным арбитражным судом Международной торговой палаты (ICC Award № 1110/1963).<sup>63</sup> В данном деле заявитель требовал взыскать с ответчика сумму комиссионных за помощь в заключении контракта с правительством Аргентины на поставку электроэнергии, которые, как установил арбитр, в значительной степени являлись средствами для дачи взяток должностным лицам аргентинского правительства. В пункте 18 решения отмечено: «нельзя оспаривать то, что существует принцип, признаваемый цивилизованными народами, согласно которому контракт, который серьезно нарушает нравственность (*bonos mores*) или международный публичный порядок, является недействительным или, как минимум, не может быть приведен в исполнение и не может быть санкционирован судами или арбитрами. Применение этого принципа особенно уместно международными арбитражными трибуналами, которые не имеют «закона суда» в привычном понимании этого термина». При этом арбитр Гуннар Лагергрэн (Gunnar Lagergren) принял во внимание, что такая практика при режиме Х. Перона в

---

<sup>62</sup> Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. С. 136.

<sup>63</sup> ICC Award № 1110 of 1963 by Gunnar Lagergren [Electronic resource] // Trans-Lex.org [Website]. URL: [https://www.trans-lex.org/201110/\\_icc-award-no-1110-of-1963-by-gunnar-lagergren-yca-1996-at-47-et-seq/](https://www.trans-lex.org/201110/_icc-award-no-1110-of-1963-by-gunnar-lagergren-yca-1996-at-47-et-seq/) (дата обращения: 17.12.2020)

Аргентине является широко распространенной, и к ней относятся терпимо. В итоге, арбитр признал отсутствие своей юрисдикции на рассмотрение спора и отклонил иск.

Но должен ли арбитр, который обнаружил, что контракт нарушает транснациональный публичный порядок, признать себя некомпетентным рассматривать спор, либо все же вынести решение по существу?<sup>64</sup> И следует ли арбитру самостоятельно поднимать этот вопрос, если ни одна из сторон не заявляет о противоречии транснациональному публичному порядку? В «аргентинском» примере арбитр сам поднял вопрос о нарушении транснационального публичного порядка, признал контракт недействительным и отказался рассматривать дело по существу. Данный подход явно идет вразрез с принципом автономности арбитражного соглашения.<sup>65</sup>

В деле № 3916/1982, которое было рассмотрено Международным арбитражным судом при Международной торговой палате, одна из сторон заявила о нарушении транснационального публичного порядка.<sup>66</sup> Фактические обстоятельства этого дела схожи с делом № 1110/1963: истец требовал с греческого ответчика комиссионные за помощь в заключении контрактов с иранским правительством, тогда как фактически роль истца заключалась в подкупе официальных лиц Ирана. При этом арбитр признал, что на момент рассмотрения спора торговля влиянием и коррупция были повсеместным явлением в Иране, поэтому получить государственный контракт исключительно законными методами практически невозможно.<sup>67</sup> Хотя прямых доказательств того, что истец занимался подкупом должностных лиц, не было, арбитр пришел к такому выводу, приняв во внимание как «эндемичность»

---

<sup>64</sup> Baniassadi M. Do Mandatory Rules of Public Law Limit Choice of Law in International Commercial Arbitration // International Tax & Business Lawyer. 1992. vol. 10, no. 1. P. 80.

<sup>65</sup> Как отметил Пьер Лалив, скорее всего арбитр, действуя подобным образом, следовал британской концепции, которая на тот момент не признавала доктрину автономности арбитражного соглашения. Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy and International Arbitration // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration, ICCA Congress Series / ed. Pieter Sanders. 1987. vol. 3. P. 292.

<sup>66</sup> ICC Award №. 3916/1982 [Electronic resource] // Trans-Lex.org [Website]. URL: [https://www.trans-lex.org/203916/\\_/icc-award-no-3916-coll-icc-arb-awards-1982-507-et-seq/#head\\_0](https://www.trans-lex.org/203916/_/icc-award-no-3916-coll-icc-arb-awards-1982-507-et-seq/#head_0) (дата обращения: 17.12.2020)

<sup>67</sup> Там же. Правда, в отличие от ранее упомянутого дела, арбитр подчеркнул, что Иран пытался бороться с этой ситуацией путем принятия ряда законодательных актов (то есть в Иране коррупция пусть и является обычным явлением, все же преследуется по закону, хотя и недостаточно эффективно).

коррупции для иранского режима, так и то, с какой скоростью («l'étonnante rapidité», буквально с «удивительной скоростью») истец смог добиться заключения контракта между греческой компанией и иранским правительством и отказ истца прояснить, какие именно действия он предпринимал как посредник. Рассмотрев фактические обстоятельства дела с позиций иранского и французского права, арбитр также провел анализ без привязки к какому-либо национальному правопорядку, придя в итоге к выводу, что действия истца противоречили транснациональному публичному порядку. Кстати, арбитр в своих рассуждениях прямо сослался на «аргентинское дело».<sup>68</sup> В итоге арбитр признал себя компетентным рассматривать спор, но отклонил жалобу, которая была основана на недействительной арбитражной оговорке.<sup>69</sup>

Этот подход более правильный. После появления решения Гуннара Легергрена Пьер Лалив отметил, что функции арбитра больше не сводятся просто к определению того, подлежит ли иск рассмотрению или нет. Скорее, защита высших интересов международного сообщества предписывает арбитру не признавать отсутствие собственной юрисдикции на рассмотрение спора, а рассматривать спор по существу и исследовать соответствие существа контракта транснациональному публичному порядку.<sup>70</sup>

В упомянутых решениях арбитры действовали как «стражи» международного коммерческого оборота, поддерживающие и защищающие фундаментальные правовые принципы, на основе которых строится международная торговля. Следовательно, арбитр все же должен реагировать на

---

<sup>68</sup> Baniassadi M. Do Mandatory Rules of Public Law Limit Choice of Law in International Commercial Arbitration // International Tax & Business Lawyer. 1992. vol. 10, no. 1. P. 81.

<sup>69</sup> Fazilatfar H. Transnational Public Policy: Does It Function from Arbitrability to Enforcement // City University of Hong Kong Law Review. 2012. vol. 3, no. 2. P. 299. Еще пример: В деле ICC Case № 2730/1982 арбитр Международного арбитражного суда при Международной торговой палате, обнаружив, что один из взаимосвязанных контрактов, заключенных между компаниями Югославии, Нидерландов и Швейцарии был мнимым, заключенным с целью обойти законодательство Югославии о валютном контроле, отметил, что эта цель противоречит не только югославскому законодательству, но также этическим и моральным стандартам (bonos mores). Любой контракт, цель которого противоречит императивным правовым нормам или публичному порядку, стандартам морали, является ничтожным. Арбитр указал, что это следует не только из законодательства Югославии, но также это принцип разделяется всеми странами, и является международным правилом. (См. Baniassadi M. Do Mandatory Rules of Public Law Limit Choice of Law in International Commercial Arbitration // International Tax & Business Lawyer. 1992. vol. 10, no. 1. P. 83)

<sup>70</sup> Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy and International Arbitration // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration, ICCA Congress Series / ed. Pieter Sanders. 1987. vol. 3. P. 294.

явные нарушения транснационального публичного порядка, даже если сторона спора не заявляет о них.<sup>71</sup> Но так как эта обязанность арбитра связана с его обязанностью убедиться, что решение будет возможно привести в исполнение впоследствии, то арбитр также должен принять во внимание публичные порядки тех стран, где решение скорее всего будет приводиться в исполнение. Каждая из сторон имеет свои ожидания того, как пройдет рассмотрение дела в арбитраже, и какой будет его исход. Но при этом, такие ожидания должны быть законными, и лишь в этом случае арбитр должен следовать воле сторон, поскольку его правомочия на рассмотрение спора проистекает из арбитражного соглашения. Однако, если интересы и ожидания сторон имеют порочное с точки зрения права основание (как, например, в приведенных выше случаях), арбитр не должен им следовать.

В литературе также можно встретить точку зрения, согласно которой нормы транснационального публичного порядка также служат для разрешения вопросов арбитрабельности спора.<sup>72</sup> Поскольку международный арбитраж не связан с одним правопорядком, арбитры не обязаны защищать интересы национальных правопорядков, и компетенция арбитра может быть ограничена только универсальными стандартами арбитрабельности, входящими в транснациональный публичный порядок.<sup>73</sup> Отмечается, что в качестве таких стандартов выступают имущественный характер спора и право сторон урегулировать его по своему соглашению.<sup>74</sup> Между тем, такая позиция носит больше теоретический характер, поскольку игнорирование арбитрами национальных стандартов арбитрабельности неизбежно отрицательно скажется

---

<sup>71</sup> Baniassadi M. Do Mandatory Rules of Public Law Limit Choice of Law in International Commercial Arbitration // International Tax & Business Lawyer. 1992. vol. 10, no. 1. P. 81. Здесь явно прослеживается аналогия с обязанностью судьи проверять *ex officio* иностранное судебное или арбитражное решение на предмет соответствия национальному публичному порядку.

<sup>72</sup> Зачастую нормы об арбитрабельности рассматриваются в качестве составной части публичного порядка, что, в свою очередь, ставит под сомнение целесообразность выделения в части 2 статьи 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года сразу двух оснований для отказа в признании и приведении в исполнение решений международного арбитража.

<sup>73</sup> Чупрунов И.С. Арбитрабельность: применимое право и влияние со стороны сверхимперативных норм // Новые горизонты международного арбитража: Сборник статей (выпуск 1) / под ред. А.В. Асоскова, Н.Г. Вилковой, Р.М. Ходькина. Инфотропик Медиа. 2013. С. 160.

<sup>74</sup> Там же.

на перспективах приведения в исполнение такого решения. В конце концов, эффективность такого института как международный арбитраж напрямую зависит от успешности приведения в исполнение такого решения, и арбитр должен также следить за тем, чтобы арбитраж не использовался сторонами как средство обхода «неудобных» императивных норм права, которые в силу своей тесной связи со спором должны быть учтены.

Транснациональный публичный порядок может использоваться арбитрами как инструмент, препятствующий применению тех сверхимперативных норм национальных правопорядков, которые подлежат применению в деле. По мнению ряда исследователей, арбитр в первую очередь связан нормами транснационального (универсального) публичного порядка и нормами публичного порядка места рассмотрения спора, и лишь во вторую – публичным порядком, сверхимперативными нормами того правопорядка, с которым договор имеет более тесную связь.<sup>75</sup> Или, наоборот, отказаться от применения избранного сторонами права, если неприменение права, с которым договор фактически имеет более тесную связь, нарушит универсальный публичный порядок. Более того, арбитр может игнорировать подлежащее применению право (даже если его прямо избрали стороны), если его применение нарушит транснациональный публичный порядок.<sup>76</sup> Типичный пример подобной ситуации – договор тесно связан со страной, в которой коррупция является повсеместным явлением. «В таких исключительных случаях автономия воли сторон перекрывается высшими соображениями о благе, диктуемыми международным публичным порядком», - отмечает немецкий юрист Ричард Крейнндлер.<sup>77</sup> Полагаю, такая точка зрения основана на идее о том, что арбитр не должен «подгонять» свое решение под правопорядки нескольких государств, имеющих связь с контрактом, с целью увеличить шансы на последующее принудительное исполнение своего решения.

---

<sup>75</sup> Kreindler R. Approaches to the Application of Transnational Public Policy by Arbitrators // Journal of World Investment. 2003. vol. 4, no. 2. P. 243-244.

<sup>76</sup> Там же.

<sup>77</sup> Там же.

Безусловно, правильность такого подхода сложно оспорить, поскольку в таком случае арбитр ставит во главу угла не объективность и справедливость своего решения, и скорее пытается угодить стороне, в пользу которой решение принято.

Но именно в этом месте обнаруживается трудноразрешимое противоречие между сторонниками обозначенного выше подхода и теми исследователями, которые прагматично указывают на возможные проблемы с последующим принудительным исполнением решения арбитража.

Профессор Йельского университета Майк Рейсман (Michael Reisman) оспаривает целесообразность использования транснационального публичного порядка в международном арбитраже, предлагая взглянуть на вопрос с позиции международного права. Так, он обращает внимание, что, например, рабство, работорговля, запрет которых как правило включается в содержание транснационального публичного порядка, по-прежнему существует в некоторых странах, но в международном праве нет межгосударственного соглашения, которое бы запрещало это явление (Всеобщая декларация прав человека 1948 года является рекомендательным актом). Сейчас борьба с рабством по-прежнему является в первую очередь внутренним делом государств. Поэтому арбитр, который считает, что запрет рабства является принципом транснационального публичного порядка и применяет этот механизм при разрешении спора, в сущности своим решением наделяет норму мягкого права обязательной юридической силой.<sup>78</sup> Также, по мнению ученого,

---

<sup>78</sup> Reisman M. Law, International Public Policy (So-called) and Arbitral Choice in International Commercial Arbitration [Electronic resource] // International Arbitration 2006: Back to Basics? / ed. Albert Jan Van den Berg. ICCA Congress Series. 2007. № 13. P. 855-856.

URL:

[https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn31652?q=Law%2C%20International%20Public%20Policy%20\(So-called\)%20and%20Arbitral%20Choice%20in%20International%20Commercial%20Arbitration](https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn31652?q=Law%2C%20International%20Public%20Policy%20(So-called)%20and%20Arbitral%20Choice%20in%20International%20Commercial%20Arbitration) (дата обращения: 26.12.2020) Режим доступа: Kluwer Arbitration. Изъяном этого аргумента является то, что для установления того, является ли тот или иной правовой принцип универсальным, арбитрами исследуется в первую очередь национальное законодательство и практика, поскольку международно-правовой консенсус касательно универсальности такого принципа является негласным. Хотя П. Лалив считает бессмысленным проводить разграничение между транснациональным публичным порядком, источником которого является национальное право государств, и той разновидностью транснационального публичного порядка, источником которой является международное право (См. Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy and International Arbitration // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration, ICCA Congress Series / ed. Pieter Sanders. 1987. vol. 3. P. 311.)

принципы транснационального публичного порядка не подвержены анализу, который используется для выяснения существования международного обычая (то есть доказывание существования широкой практики того или иного правила поведения и того, что этому правилу придается свойство нормы права). С этим аргументом можно поспорить, поскольку арбитры, применяя тот или иной принцип транснационального публичного порядка, проводят довольно тщательный анализ законодательства и правоприменительной практики многих государств, хотя, разумеется, количество правопорядков, которые необходимо и достаточно проанализировать остается на усмотрение арбитра.<sup>79</sup>

Но главный аргумент против применения арбитром транснационального публичного порядка, это то, что вопросы, стоящие перед арбитром, могут быть разрешены с помощью норм применимого или подлежащего применению права. Если принцип транснационального публичного порядка закреплен в международных соглашениях, и его действие распространяется на правоотношения сторон, он может быть применен как часть применимого права. Также он может существовать в форме международного обычая. Также едва ли найдется правопорядок, в котором не преследовались бы по закону взяточничество, коррупция и другие правонарушения, запрет которых традиционно рассматривается в качестве составной части транснационального публичного порядка.

В международном инвестиционном арбитраже упомянутая проблема автономности арбитражного соглашения не стоит. Большинство инвестиций защищаются двусторонними инвестиционными соглашениями (Bilateral investment treaty, BIT), которые содержат арбитражные соглашения, предусматривающие возможность передать спор на рассмотрение третейского суда (ad hoc или, например, в Международный центр по урегулированию инвестиционных споров, ICSID). То есть государства, ратифицируя такие соглашения, в том числе дают согласие на рассмотрение спора в третейском

---

<sup>79</sup> Reisman M. Law, International Public Policy (So-called) and Arbitral Choice in International Commercial Arbitration [Electronic resource] // International Arbitration 2006: Back to Basics? / ed. Albert Jan Van den Berg. ICCA Congress Series. 2007. № 13. P. 855-856.

суде. При этом ВІТ заключаются между государствами, а не между государством и частным инвестором, поэтому какие-либо противоправные действия инвестора (которые бы в международном коммерческом арбитраже вызвали бы вопрос о том, действительно ли арбитражное соглашение или нет) не могут повлиять на действительность арбитражного соглашения, содержащегося в международном договоре.

Но в практике ICSID сложился подход, согласно которому согласие принимающего государства (которое необходимо согласно статье 25 Вашингтонской конвенции 1965 года) передать спор на рассмотрение третейского суда ограничено условием соответствия инвестиционных вложений законодательству принимающего государства.<sup>80</sup> Двусторонние инвестиционные договоры защищают только те инвестиции, которые были сделаны с соблюдением законодательства принимающего государства.<sup>81</sup> Поэтому государства в случае, если инвестор замешан в каких-либо противоправных деяниях, применяют доктрину «чистых рук» (которая имеет корни еще в римском праве), препятствующую инвестору воспользоваться защитой инвестиционного арбитража в соответствии с ВІТ.<sup>82</sup> Соответственно, практика ICSID идет по пути признания отсутствия юрисдикции инвестиционного арбитража рассматривать спор, если инвестиции были сделаны с нарушением транснационального публичного порядка.

Ярким примером такого подхода является дело *Inceysa Vallisoletana S.L. против Республики Эль-Сальвадор* (*Inceysa Vallisoletana S.L. v. Republic of El Salvador*, ICSID Case No. ARB/03/26), рассмотренное ICSID в 2006 году.<sup>83</sup> В данном деле трибунал ICSID признал, что инвестиции в данном случае не защищаются ВІТ, поскольку они были сделаны с нарушением законодательства

---

<sup>80</sup> Там же. При этом в сфере инвестиционного арбитража в содержание транснационального публичного порядка входят такие процессуальные принципы как запрет государства возражать против юрисдикции арбитража, ссылаясь на свое внутреннее законодательство; отсутствие иммунитета государства к арбитражному разбирательству, если оно ранее выразило согласие.

<sup>81</sup> Там же. P. 128.

<sup>82</sup> Fazilatfar H. *Transnational Public Policy: Does It Function from Arbitrability to Enforcement* // *City University of Hong Kong Law Review*. 2012. vol. 3, no. 2. P. 299

<sup>83</sup> *Inceysa Vallisoletana S.L. v. Republic of El Salvador*, ICSID Case No. ARB/03/26 [Electronic resource] // *Italaw.com*: [Website]. URL: <https://www.italaw.com/cases/562> (дата обращения: 20.12.2020)



Сальвадора (то есть «легальность» инвестиций является одним из условий возникновения юрисдикции ICSID на рассмотрение спора). Конкретно арбитраж отметил, что инвестиции были сделаны с нарушением принципа «bona fides». <sup>84</sup> В данном случае предметом рассмотрения был двусторонний инвестиционный договор, заключенный между Сальвадором и Испанией, в пункте 1 статьи 3 которого содержалось следующее положение: «каждая из договаривающихся Сторон будет обеспечивать на своей территории защиту капиталовложений, осуществляемых в соответствии с ее законодательством инвесторами другой стороны...». <sup>85</sup> Трибунал ICSID признал отсутствие своей юрисдикции на рассмотрение данного спора. Кроме того, в деле присутствовал «коррупционный» элемент: трибунал пришел к выводу, что инвестор также нарушил принцип «nemo auditur propriam turpitudinem allegans», что переводится как «никто не может извлекать выгоду из своего собственного мошенничества».

В связи с этим третейский суд исследовал вопрос нарушения транснационального публичного порядка (в тексте решения по делу использован термин «международный публичный порядок»; во избежание путаницы далее применительно к рассуждениям арбитража будет использоваться термин «транснациональный» как общепринятый). По мнению арбитража, «транснациональный публичный порядок состоит из ряда фундаментальных принципов, составляющих сущность государства, и его главное назначение заключается в защите ценностей международной правовой системы от действий, ее нарушающих» (пункт 245). Тот факт, что во многие ВІТ включается оговорка о том, что защите подлежат только инвестиции, сделанные с соблюдением законодательства принимающего государства является проявлением транснационального публичного порядка.

---

<sup>84</sup> Нарушения проявились в том, что инвестор, в частности, представил ложные финансовые сведения для участия в тендере; ложные сведения о своем опыте и компетенции, необходимых для выполнения контракта и так далее.

<sup>85</sup> Acuerdo para la promocion y proteccion reciproca de inversiones entre el reino de España y la Republica de El Salvador [Electronic resource] // Itlaw.com: [Website]. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/laws/italaw6098.pdf> (дата обращения: 20.12.2020) Кстати, аналогичная оговорка содержится в статье 3 Соглашения между СССР и Испанией о содействии осуществлению и взаимной защите капиталовложений.

Соответственно, арбитраж пришел к выводу, что признание себя компетентным рассматривать такой спор будет означать признание того, что инвестиции были сделаны с соблюдением законодательства принимающей стороны. Это будет являться нарушением принципа уважения к закону, который по мнению трибунала, входит в содержание транснационального публичного порядка. В деле *Hesham T. M. Al Warraq v. Republic of Indonesia*, истец-инвестор обвинил ответчика в нарушении Соглашения о поощрении, защите и гарантировании инвестиций между государствами-членами Организации исламского сотрудничества.<sup>86</sup> Но сам истец в ходе инвестиционной деятельности был замешан в совершении мошеннических действий, поэтому иск был отклонен, поскольку имело место нарушение доктрины «чистых рук» со стороны инвестора.<sup>87</sup> В деле *Copper Mesa Mining Corporation v. Republic of Ecuador* трибунал указал, что доктрина «чистых рук» и принцип законности инвестиций – это все же разные правовые концепции, поскольку доктрина применяется только на последующем этапе инвестиций.<sup>88</sup> Соответственно, возражения ответчика, основанные на доктрине, применимы на т.н. «admissibility stage», то есть на этапе, когда решается вопрос, рассматривать ли иск по существу. Если же инвестор на начальном этапе инвестирования совершил правонарушение, следует вести речь о нарушении принципа законности, что, в свою очередь, может быть положено в основу аргумента об отсутствии у трибунала юрисдикции на рассмотрение спора, то есть на более раннем этапе. В деле *Plama Consortium Limited v. Republic of Bulgaria (ICSID Case No ARB/03/24, Award, 27 August 2008)* трибунал заключил, что инвестиции не подлежат защите согласно ВІТ поскольку были сделаны с нарушением международного (транснационального) публичного порядка.<sup>89</sup>

---

<sup>86</sup> Agreement on Promotion, Protection and Guarantee of Investments amongst the Member States of the Organization of the Islamic Conference; вступила в силу в 1988 году. (См. *Hesham T. M. Al Warraq v. Republic of Indonesia*, Final Award of 15.12.2014 [Electronic resource] // *italaw.com*: [Website]. URL: <https://www.italaw.com/cases/1527> (дата обращения: 20.12.2020))

<sup>87</sup> Amianto L. The Role of "Unclean Hands" Defences in International Investment Law // *McGill Journal of Dispute Resolution*. 2019-2020. № 6. P. 10.

<sup>88</sup> Там же. P 12.

<sup>89</sup> Seelig, Marie Louise. The Notion of Transnational Public Policy and Its Impact on Jurisdiction Arbitrability and Admissibility // *Annals of the Faculty of Law in Belgrade International Edition*. 2009. P.131-132.

В научной литературе распространена точка зрения, что арбитр обязан отклонить иск, если имеет место нарушение транснационального публичного порядка, поскольку «игнорирование или терпимость по отношению к незаконности в подобных ситуациях могут рассматриваться как способствование искажению и подавлению конкурентных сил, а также расхолаживание будущих инвестиций».<sup>90</sup>

Самым известным примером обращения трибунала ICSID к концепции транснационального публичного порядка является дело World Duty Free Company против Республики Кения (World Duty Free Company v Republic of Kenya, ICSID Case No. Arb/00/7).<sup>91</sup> В данном деле арбитраж подробно исследовал вопрос того, является ли взятка нарушением транснационального публичного порядка (в данном деле она была передана президенту страны, принимающей инвестиции), и придя к утвердительному заключению, отклонил иск, признав его неприемлемым. При этом арбитраж применил оговорку о транснациональном публичном порядке не на стадии выявления собственной компетенции (jurisdiction stage) рассматривать спор, а на стадии изучения вопроса о приемлемости иска (admissibility stage). Как отмечено в параграфе 141 решения, «трибуналы должны очень внимательно устанавливать существование каждой нормы [принципа] транснационального публичного порядка, идентифицируя их через международные конвенции, компаративное право и арбитражные решения».<sup>92</sup> Далее, арбитраж отметил, что взяточничество, торговля влиянием преследуются уголовным правом в большинстве, если не всех странах мира. Законодательство Кении (государства, принимающего

---

Также: «The Tribunal has decided that the investment was obtained by deceitful conduct that is in violation of Bulgarian law. The Tribunal is of the view that granting the ECT's protections to Claimant's investment would be contrary to the principle *nemo auditur propriam turpitudinem allegans* invoked above. It would also be contrary to the basic notion of international public policy - that a contract obtained by wrongful means (fraudulent misrepresentation) should not be enforced by a tribunal». Quoted in Amianto L. The Role of "Unclean Hands" Defences in International Investment Law // McGill Journal of Dispute Resolution. 2019-2020. № 6. P. 22.

<sup>90</sup> Там же. P. 10. Этот подход в системе арбитража ICSID имеет особую важность, поскольку Вашингтонская конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами 1965 года, не предполагает, что государство места исполнения решения будет осуществлять проверку решения в том числе и на соответствие публичному порядку.

<sup>91</sup> World Duty Free Company v. Republic of Kenya, ICSID Case No. Arb/00/7, Award of 04.10.2006 [Electronic resource] // Italaw.com: [Website]. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/3281> (дата обращения: 20.12.2020)

<sup>92</sup> Там же.

инвестиции) не является исключением. Затем арбитраж указал ряд универсальных международных договоров, посвященных борьбе с коррупцией, а также региональные соглашения между африканскими странами. В результате состав арбитража пришел к выводу, что государства, заключая подобные международные договоры, выразили общую волю бороться с коррупцией, причем не только с помощью своего национального законодательства, как раньше, но и посредством международной кооперации (параграф 146).<sup>93</sup> Дополнительно арбитраж исследовал практику использования концепции транснационального публичного порядка национальными судами и международными арбитражами, и признал, что во многих исследованных им делах коррупция была повсеместным явлением в той или иной стране, и исполнение контрактов едва ли было бы возможно без дачи взяток. Однако во всех без исключения случаях арбитражи следовали в первую очередь принципу запрета коррупции. В итоге, в рассматриваемом деле арбитраж последовал этой практике и не поддержал требования, вытекающие из контракта, исполнение которого было связано с коррупционными правонарушениями (параграф 157).<sup>94</sup> Правда, нужно отметить, что в доктрине касательно принципа запрета коррупции высказываются и более сдержанные мнения.<sup>95</sup>

В приведенных примерах недобросовестность выражалась в нарушении принципов транснационального публичного порядка, поэтому даже формально арбитрабельные споры не были рассмотрены трибуналами ICSID по существу.

В деле *Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan* (ICSID Case № ARB/10/3) арбитры отклонили иск, поскольку, как и в деле *World Duty Free Company v Republic of Kenya*, инвестиции были сделаны с правонарушениями

---

<sup>93</sup> Там же.

<sup>94</sup> Там же.

<sup>95</sup> «Despite general lip-service one hesitates to believe in that there is an effectively practiced worldwide consensus against corruption (pots-de-vin) as long as under the fiscal law of many industrial countries bribes paid can be deducted as business expenses and corruption is endemic in many countries and rarely seriously fought». (Karrer P. Commentary to Article 187 of Swiss Private International Law Act (International Arbitration in Switzerland. 2000. № 160. P. 520) Kreindler R. Approaches to the Application of Transnational Public Policy by Arbitrators // Journal of World Investment. 2003. vol. 4, no. 2. P. 246.

коррупционного характера.<sup>96</sup> Однако на этот раз арбитры, отказывая в иске, хоть и сослались на транснациональный публичный порядок, опирались преимущественно на нарушение инвестором законодательства принимающего государства. Это лишний раз ставит вопрос о практической ценности концепции транснационального публичного порядка.

Таким образом в сфере инвестиционного арбитража механизм транснационального публичного порядка оказался даже более востребованным, чем в сфере международного коммерческого арбитража.<sup>97</sup> Но не всякое нарушение инвестором законодательства принимающего государства, является основанием для признания юрисдикции арбитража на рассмотрение спора отсутствующей. Это возможно только в случае, если противоправные действия инвестора идут вразрез с принципами транснационального публичного порядка.<sup>98</sup> В остальных случаях нарушения со стороны инвестора должны рассматриваться арбитрами по существу в совокупности с остальными фактами по делу и представленными доказательствами.

---

<sup>96</sup> Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan, ICSID Case No. ARB/10/3, Award of 04.10.2013 [Electronic resource] // Itlaw.com: [Website]. URL: <https://www.itlaw.com/cases/2272> (дата обращения: 26.12.2020) Любопытно, что арбитры сослались на дело Кенуа, указывая, что международное сообщество и законодательство «подавляющего большинства государств» рассматривает коррупцию как противоправное деяние (пункт 290).

<sup>97</sup> Amianto L. The Role of "Unclean Hands" Defences in International Investment Law // McGill Journal of Dispute Resolution. 2019-2020. № 6. P.24. В ICSID Case No. ARB/06/5 Phoenix Action, Ltd. v. The Czech Republic трибунал в пункте 78 указал, что любой ВПТ не должен трактоваться изолированно от международного публичного права и general principles международного права; инвестициям, которые были сделаны с нарушением фундаментальных прав человека не должна предоставляться защита со стороны ICSID (Phoenix Action, Ltd. v. The Czech Republic, ICSID Case No. ARB/06/5, Award of 15.04.2009 [Electronic resource] // Itlaw.com: [Website]. URL: <https://www.itlaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0668.pdf> (дата обращения: 26.12.2020)).

<sup>98</sup> Sneij F. Are IIAs Old-Fashioned: How Consistency in the Use of Public Policy Fosters the Object and Purpose of Investment Agreements // Uniform Law Review. 2016. vol. 21, no. 2-3. P. 213.

## Глава 2. Практика применения оговорки о публичном порядке судами Китайской Народной Республики

Действующее китайское законодательство не использует термин «публичный порядок» как он используется в Нью-Йоркской конвенции 1958 года. В китайской версии текста Конвенции, размещенной на официальном сайте ЮНСИТРАЛ, в пункте «b» части 2 статьи 5 Конвенции использован термин, который буквально переводится как «государственная (или общественная) политика» (公共政策), который не встречается в китайском законодательстве.<sup>99</sup>

Согласно статье 282 Закона КНР о гражданском судопроизводстве, народный суд, получив заявление о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения должен рассматривать его в соответствии с международными договорами КНР или на основе принципа взаимности.<sup>100</sup> Если в процессе рассмотрения заявления суд выяснит, что иностранное судебное решение противоречит основополагающим правовым принципам КНР (法律的基本原则) или нарушает государственный суверенитет (国家主权), безопасность (安全) или общественные и публичные интересы (社会公共利益) в признании и в приведении в исполнение такого решения должно быть отказано.

В китайском законодательстве используются и другие понятия, схожие с вышеупомянутым термином «публичные интересы». Так, например, статья 53 Конституции Китайской Народной Республики 1982 года предписывает гражданину КНР в числе прочего соблюдать «публичный порядок» (公共秩

---

<sup>99</sup> 承认及执行外国仲裁裁决公约, 1958年, 纽约 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/zh/new-york-convention-c.pdf> (дата обращения: 23.01.2021)

<sup>100</sup> Civil Procedure Law of the People's Republic of China / Adopted at the 4th Session of the Seventh National People's Congress on April 9, 1991 [Electronic resource] // Westlaw China [Law Database]. URL: <http://proxy.library.spbu.ru:2805/maf/china/app/document?&docguid=i000000000000015cf361f7070dff5816&hitguid=i000000000000015cf361f7070dff5816&srguid=i0ad62833000001790f853aee36232277&spos=2&epos=2&td=29&cru mb-action=append&context=3&lang=en> (дата обращения: 23.01.2021) Режим доступа: Westlaw China.

序).<sup>101</sup> На русский язык этот и предыдущий термины могут переводиться одинаково: общественные интересы, публичные интересы, публичный порядок. Тем не менее, это разные понятия, и, хотя их содержание детально в законодательстве не раскрывается, второй термин и его аналоги, которые как правило используются в контексте охраны общественного порядка не обязательно подразумевает «фундаментальные принципы права», тогда как термин, используемый в Законе КНР о гражданском судопроизводстве как раз является эквивалентом публичного порядка государства, о котором шла речь в предыдущих главах данной работы.

С 1 января 2021 года вступил в силу первый в истории КНР Гражданский кодекс КНР (далее также – «ГК КНР»), в котором восемь раз встречается термин, который можно перевести как «общественный (или публичный) порядок и добрые нравы» (公序良俗).<sup>102</sup>

Вопросы признания и приведения в исполнения иностранных арбитражных решений регулируются как Законом КНР о гражданском судопроизводстве (статья 274), так и Законом Китайской Народной Республики об арбитраже 1994 года (далее также – «Закон КНР об арбитраже»), который отсылает к статье 274 Закона КНР о гражданском судопроизводстве.<sup>103</sup> Правда статья 71 Закона КНР об арбитраже отсылает только к первому параграфу статьи 274 Закона КНР о гражданском судопроизводстве, тогда как право суда отказать в исполнении иностранного арбитражного решения со ссылкой на

---

<sup>101</sup>中华人民共和国宪法 / 1982年12月4日第五届全国人民代表大会第五次会议通过 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного совета Китайской Народной Республики. URL: [http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content\\_5276318.htm](http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm) (дата обращения: 23.01.2021)

<sup>102</sup>中华人民共和国民法典 / 2020年5月28日第十三届全国人民代表大会第三次会议通过[Электронный ресурс] // Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/75ba6483b8344591abd07917e1d25cc8.shtml> (дата обращения: 23.01.2021)

В частности, согласно статье 153 ГК КНР сделка, не соответствующая критерию соответствия публичному порядку и добрым нравам ничтожна. Представляется, что это понятие можно считать аналогом общепринятого внутреннего публичного порядка государства; российский эквивалент – основы правопорядка и нравственности, используемые в статье 169 ГК РФ.

<sup>103</sup> Arbitration Law of the People's Republic of China / Adopted at the 9th Session of the Standing Committee of the 8th National People's Congress on August 31, 1994 [Electronic resource] // Westlaw China [Law Database]. URL: <http://proxy.library.spbu.ru:2805/maf/china/app/document?&docguid=i0a231c3e0000015e7a56050331163dcf&hitguid=i0a231c3e0000015e7a56050331163dcf&srguid=i0ad62833000001790fb6e4c76ecd4184&spos=1&epos=1&td=18&crumb-action=append&context=13&lang=en> (дата обращения: 23.01.2021) Режим доступа: Westlaw China.

нарушение публичного порядка предусмотрено параграфом 2 статьи 274 Закона КНР о гражданском судопроизводстве. В этой статье используется уже знакомый нам термин «общественные и публичные интересы» (社会公共利益), и этим же понятием оперирует Закон КНР об арбитраже.<sup>104</sup>

Выявить хотя бы приблизительное содержание китайского «публичного порядка» сложно, поскольку даже разъяснения Верховного народного суда КНР КНР (далее также – «ВНС КНР») на этот счет крайне абстрактны.<sup>105</sup> В 2004 году высшая судебная инстанция указала, что применение оговорки об общественных и публичных интересах допустимо в случаях нарушения фундаментальных принципов китайского права, суверенитета или безопасности государства, обычаев, традиций или фундаментальных моральных стандартов Китая.<sup>106</sup> Это разъяснение касалось вопроса применения иностранного права, но на практике также используется и для сферы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений.<sup>107</sup> Поэтому в китайской научной литературе широко распространена точка зрения, что термин «общественные и публичные интересы» является не аналогом публичного порядка из Нью-Йоркской конвенции 1958 года, а самостоятельным, и, что немаловажно, более широким по содержанию правовым институтом.<sup>108</sup> Во внутренних спорах используется тот же правовой институт, однако установить его содержание еще более затруднительно из-за малого числа опубликованных решений, а также отсутствия детальных разъяснений судов на этот счет. Пример редкого исключения: в решении народного суда средней ступени

---

<sup>104</sup> 中华人民共和国民事诉讼法 / 1991 年 4 月 9 日第七届全国人民代表大会第四次会议通过 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Китайской Народной Республики. URL: [http://www.moj.gov.cn/Department/content/2018-12/25/357\\_182594.html](http://www.moj.gov.cn/Department/content/2018-12/25/357_182594.html) (дата обращения: 23.01.2021)

<sup>105</sup> В большинстве дел, исследованных автором, суд не углублялся в изучение того, что есть «общественные и публичные интересы». В тех случаях, где принималось решение об отказе в принудительном исполнении арбитражного решения, ВНС КНР ссылался на другие основания, часто игнорируя вывод нижестоящих судов о возможном нарушении публичного порядка.

<sup>106</sup> Lanfang Fei. Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards: A Review of the Chinese Approach [Electronic resource] // *Arbitration International* / ed. William W. Park. Oxford University Press, 2010. vol. 26, issue 2. P. 304

URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/new-kli-ka-1021006-n?q=social%20and%20public%20interest>.  
Режим доступа: Kluwer Arbitration (дата обращения: 23.01.2021)

<sup>107</sup> Там же.

<sup>108</sup> Hsi-Chia Chen, Helena. Predictability of «Public policy» in Article V of the New York Convention under Mainland China` Judicial Practice / Helena Hsi-Chia Chen. Kluwer Law International, 2017. P.86



города Чжэнчжоу от 09.04.2010 № 11 указано, что публичный порядок касается пользы всего общества, включая, но не ограничиваясь, вопросы военного характера, государственной безопасности, развития образования, технологий, здравоохранения, культуры, окружающей среды и туризма.<sup>109</sup>

Китайское арбитражное законодательство имеет ряд уникальных особенностей, но их обзор находится за рамками темы данной работы. Однако ключевой элемент китайской модели признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений все же заслуживает упоминания.

В англоязычной литературе этот элемент получил название «reporting system». 28 августа 1995 Верховный народный суд выпустил извещение № 18, которым устанавливалась «система отчетности» (报告制度) для судов, на рассмотрение которых поступают заявления о признании и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений.<sup>110</sup> Суть этой системы состоит в следующем: если суд приходит к выводу о том, что есть основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, арбитражного решения, вынесенного по спору с «иностранным элементом» (основание, предусмотренное международным договором КНР или статьей 260 (274 в действующей редакции) Закона КНР о гражданском судопроизводстве), то суд до вынесения решения должен передать дело на рассмотрение вышестоящей судебной инстанции. Если суд более высокого уровня придет к такому же выводу, он должен передать свое заключение по делу в ВНС КНР, который делает финальное заключение и передает его в суд, который

---

<sup>109</sup> He'nan Tianyun Real Estate Co. Ltd (河南天运置业有限公司) v. He'nan Province Jinge Real Estate Co. Ltd (河南省金阁置业有限公司) / Intermediate People's Court of Zhengzhou Decision of 09.04.2010, [2010]郑民三撤仲字第 11 号 (Zhengzhou IPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL:<https://www.kluwarbitration.com/document/kli-ka-cacds-a-135?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. (дата обращения: 23.01.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration

<sup>110</sup> 最高人民法院关于人民法院处理与涉外仲裁及外国仲裁事项有关问题的通知 / (1995 年 8 月 28 日 法发〔1995〕18 号) [Электронный ресурс] // Pkulaw.com [Peking University Law Database]. URL: [http://www.pkulaw.cn/fulltext\\_form.aspx?Db=chl&Gid=13496&keyword=%E6%9C%80%E9%AB%98%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E5%85%B3%E4%BA%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E5%A4%84%E7%90%86%E4%B8%8E%E6%B6%89%E5%A4%96%E4%BB%B2%E8%A3%81%E5%8F%8A%E5%A4%96%E5%9B%BD%E4%BB%B2%E8%A3%81%E4%BA%8B%E9%A1%B9%E6%9C%89%E5%85%B3%E9%97%AE%E9%A2%98%E7%9A%84%E9%80%9A%E7%9F%A5&EncodingName=&Search\\_Mode=accurate](http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=13496&keyword=%E6%9C%80%E9%AB%98%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E5%85%B3%E4%BA%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E5%A4%84%E7%90%86%E4%B8%8E%E6%B6%89%E5%A4%96%E4%BB%B2%E8%A3%81%E5%8F%8A%E5%A4%96%E5%9B%BD%E4%BB%B2%E8%A3%81%E4%BA%8B%E9%A1%B9%E6%9C%89%E5%85%B3%E9%97%AE%E9%A2%98%E7%9A%84%E9%80%9A%E7%9F%A5&EncodingName=&Search_Mode=accurate) (дата обращения: 31.01.2021)

рассматривает заявление. В извещении от 23.04.1998 года № 40 ВНС КНР распространил действие системы и на вопросы отмены арбитражных решений.<sup>111</sup> С 01.01.2018 года вступили в силу поправки ВНС КНР к названному извещению, которые распространили действие этой системы и те арбитражные решения, которые первоначально извещением не охватывались (по «внутренним» спорам).<sup>112</sup> Таким образом, система отчетности установила режим, при котором каждый отказ в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения всегда утверждается высшей судебной инстанцией страны, практически полностью устраняя дискрецию нижестоящих судов в принятии решения.

Цели введения данной системы были вполне очевидны: уменьшение количества безосновательных отказов нижестоящих судов в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, борьба с локальным протекционизмом нижестоящих судов.<sup>113</sup> На момент введения этой системы китайские суды были слабо знакомы с оговоркой о публичном порядке, ее содержании и особенностях применения. Также, отсутствие хоть сколько-нибудь детализированного разъяснения содержания публичного порядка со

---

<sup>111</sup>最高人民法院关于人民法院撤销涉外仲裁裁决有关事项的通知 / (1998年4月23日法(1998)40号) [Электронный ресурс] // 中华人民共和国对外经济法律法规汇编 (Compilation of laws and regulations of the people's Republic of China on Foreign Economic Relations) [Website]. <http://www.people.com.cn/zixun/flfgk/item/dwjff/falv/9/9-2-1-12.html> (дата обращения: 31.01.2021)

<sup>112</sup> Yves Hu. Reforms on the «Prior Reporting System» — A Praiseworthy Effort by the PRC Supreme People's Court, or Not? [Electronic resource]: January 8 2018// Kluwer Arbitration Blog [Website]. URL: [http://arbitrationblog.kluwarbitration.com/2018/01/08/reforms-prior-reporting-system-praiseworthy-effort-prc-supreme-peoples-court-not/?doing\\_wp\\_cron=1591232997.9072170257568359375000](http://arbitrationblog.kluwarbitration.com/2018/01/08/reforms-prior-reporting-system-praiseworthy-effort-prc-supreme-peoples-court-not/?doing_wp_cron=1591232997.9072170257568359375000) (дата обращения: 31.01.2021)

<sup>113</sup> Например, в деле Noble Resources v. Zhonghai Cereals and Oils (2009) причиной, по которой ответчик не смог исполнить контракт стало то, что контролирующие органы государственной власти не выдали ответчику лицензию на импорт товара-объекта контракта. В дальнейшем запрет был снят, ответчик получил лицензию, но попытался (безуспешно) изменить цену контракта в свою пользу. Суды первой и второй инстанций согласились с аргументом китайской стороны о том, что арбитражное решение, принятое в пользу иностранной компании, нарушит публичный порядок КНР, отметив, что у ответчика не было намерения не исполнять обязательства по контракту; исполнению помешал административный запрет. Тем не менее, Верховный народный суд КНР, на рассмотрение которого в рамках системы отчетности поступило это дело, не согласился с этими выводами и предписал привести решение арбитража в исполнение. Noble Resources Pte. Ltd. (莱宝资源有限公司) v. Zhoushan Zhonghai Cereals and Oils Industry Co., Ltd. (舟山中海粮油工业有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 18.03.2009, [2009]民四他字第 2 号 (SPC) & [2007]浙执他字第 4 号 (Zhejiang HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-090?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. (дата обращения: 31.01.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

стороны Верховного народного суда КНР вызывало и вызывает ошибки судов в применении этой оговорки.

На сегодняшний день можно сказать, что система отчетности показала себя очень эффективным инструментом, но у нее есть и недостатки. Во-первых, процедура проверки мнения нижестоящих судов затратна по времени: согласно статистике, среднее время от поступления заявления на принудительное исполнение иностранного арбитражного решения на рассмотрение народного суда средней ступени до получения заключения Верховного народного суда КНР в среднем составляет 807 дней.<sup>114</sup> 597 дней в среднем требуется для рассмотрения заявления об отмене иностранного арбитражного решения. Нередко недобросовестные ответчики используют связи и влияние для давления на нижестоящие суды с целью побудить их инициировать консультационную процедуру с вышестоящими судами и, тем самым, затянуть дело.<sup>115</sup>

Вторая причина для критики системы отчетности: ее «непрозрачность». Заявитель и ответчик исключены из процесса верификации решения различными судебными инстанциями. Поэтому стороны, например, не могут убедиться, что нижестоящий суд правильно и полно передал всю информацию по делу «наверх». Иногда нижестоящий суд неправильно разрешает те или иные спорные вопросы, поэтому вышестоящий суд делает свое заключение на основе неполных или искаженных данных. При этом возможность выявить и скорректировать такие ошибки у сторон отсутствует.

Наконец, высказываются опасения, что система отчетности нарушает принцип независимости судов. Данное опасение имеет некоторые основания, однако важно учитывать, что в КНР на практике вышестоящие суды часто вмешиваются в компетенцию нижестоящих, поэтому, полагаю, система отчетности, несмотря на ряд недостатков органично встроена в существующую

---

<sup>114</sup> Yves Hu. Reforms on the «Prior Reporting System» — A Praiseworthy Effort by the PRC Supreme People's Court, or Not? [Electronic resource]: January 8 2018 // Kluwer Arbitration Blog [Website]. URL: [http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/01/08/reforms-prior-reporting-system-praiseworthy-effort-prc-supreme-peoples-court-not/?doing\\_wp\\_cron=1591232997.9072170257568359375000](http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/01/08/reforms-prior-reporting-system-praiseworthy-effort-prc-supreme-peoples-court-not/?doing_wp_cron=1591232997.9072170257568359375000) (дата обращения: 31.01.2021)

<sup>115</sup> Там же.

судебную систему КНР, тем более что законотворческие традиции КНР (в немалой степени обусловленные политическим устройством страны) не предполагают досконального нормативного закрепления полномочий того или иного органа государственной власти.

До введения системы отчетности в китайской судебной практике был только один случай, когда китайские суды решили применить оговорку о публичном порядке (дело Dongfeng 1992 года), но ВНС КНР отказался на нее ссылаться без разъяснения содержания публичного порядка.<sup>116</sup> Это дело учеными рассматривается как пример локального протекционизма судов, расширительного толкования и безосновательного применения оговорки о публичном порядке, и, как считается, стало причиной введения системы отчетности.<sup>117</sup>

Хотя в доктрине подчеркивается, что в китайском праве используется «особый» механизм, пусть и схожий с публичным порядком и выполняющим аналогичные функции, но более широкий по содержанию, практика Верховного народного суда КНР демонстрирует, что Китай воспринял «ограничительный» подход к применению защитной оговорки в соответствии с пунктом «b» части 2 статьи 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Причем, в относительно недавних решениях нижестоящих судов КНР можно найти прямые указания на необходимость «держаться в уме» цель Конвенции, и, как следствие, отказ в признании и приведении в исполнение арбитражного решения допустим только в случаях нарушения фундаментальных принципов китайского права, суверенитета КНР.<sup>118</sup> Тем не менее, первый случай, когда ВНС КНР уже после введения системы отчетности отказал в принудительном исполнении

---

<sup>116</sup> Kaifeng Dongfeng Garments Factory v. Henan Clothing Imp. & Exp. (Group) Company Tai Chu International Trade (HK) Co., Ltd. / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 06.11.1992 [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-005?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. (дата обращения: 01.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

<sup>117</sup> Там же.

<sup>118</sup> Olam International Ltd. v. Zibo Yinhua Mianma Ltd. / Shandong Province Intermediate People's Court Decision of 19.01.2016 [Electronic resource] // Yearbook Commercial Arbitration / ed. Stephan W. Schill 2021. vol. 46. P. 1-14 URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-icca-yb-xlvi-212-n?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. (дата обращения: 05.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

арбитражного решения по спору с участием иностранного лица со ссылкой на нарушение публичного порядка, в научной литературе рассматривается все же как пример ошибочного применения этого правового института.<sup>119</sup>

В деле USA Productions et al v. Women Travel (или Tom Hulett case) две американские компании в 1992 году USA Productions и Tom Hulett & Associates заключили контракт, в соответствии с которым несколько американских музыкальных групп приглашались в КНР для дачи концертов. В соглашении указывалось, что исполнители обязуются соблюдать законодательство КНР. В дальнейшем между сторонами было заключено дополнительное соглашение, в статье 7(2) которого было указано, что у властей КНР есть право давать разрешение на дачу концертов, а также право их цензурировать. Поэтому стороны подготовили демо версию одного из выступлений и направили ее на утверждение в Министерство культуры КНР, которое одобрило выступление, но запретило исполнение музыкальных композиций в жанре «heavy metal». Затем американские компании заключили контракт с китайской организацией China Women Travel Service на дачу концертов в нескольких городах Китая. Первоначальный контракт между американскими юридическими лицами, дополнительное соглашение к нему были приложениями к контракту с китайской стороной, которая обязалась организовать в общей сложности двадцать три выступления.

В ходе выступлений исполнители нарушили запрет на исполнение «тяжелой музыки», что вызвало недовольство слушателей, часть из которых потребовала вернуть деньги за билеты. После одиннадцати концертов Министерство культуры КНР отменило оставшиеся выступления, а китайский контрагент оплатил только часть суммы, которая причиталась американским фирмам в соответствии с контрактом, что стало причиной их обращения в СИЕТАС. Арбитраж признал нарушение контрактных обязательств со стороны

---

<sup>119</sup> USA Productions (美国制作公司), Tom Hulett & Associates (汤姆·胡莱特公司) v. China Women Travel Service (中国妇女旅行社) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 26.12.1997, 他[1997]35号 [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-014?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. (дата обращения: 06.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

истцов, поэтому удовлетворил их требования лишь частично (70% от заявленной суммы). Китайские суды, включая ВНС КНР, отказались привести решение в исполнение, в том числе основываясь на нарушении социальных обычаев (国情, что можно перевести как «характерные национальные особенности») и публичного порядка КНР. Содержание выступлений не соответствовало разрешению, которое ранее выдало Министерство культуры КНР и «оказало дурное влияние» на общество.

Данное решение вызвало сильную критику за пределами КНР: по мнению множества представителей зарубежного юридического сообщества, китайские суды слишком широко трактовали содержание национального публичного порядка.<sup>120</sup> Высказывались даже мнения, что выступления иностранных музыкальных групп содержательно несли про-демократический посыл, что создавало угрозу власти китайского правительства.<sup>121</sup> Однако, на мой взгляд, в социокультурных реалиях Китая конца 90-х годов XX века такое решение судов было вполне ожидаемо.

Решение иностранного арбитража противоречит общественным и публичным интересам, если оно вынесено в соответствии с арбитражным соглашением, которое ранее государственный суд КНР признал недействительным (дело Taizhou Haopu Investment Co., Ltd. v. Wicor Holding AG).<sup>122</sup> Правда в этом деле решение было вынесено со ссылкой не на Конвенцию, а на Соглашение между Материковым Китаем и Специальным административным районом Гонконг о взаимном приведении в исполнение

---

<sup>120</sup> Hsi-Chia Chen, Helena. Predictability of «Public policy» in Article V of the New York Convention under Mainland China` Judicial Practice / Helena Hsi-Chia Chen. Kluwer Law International, 2017. P.151.

<sup>121</sup> Там же.

<sup>122</sup> Taizhou Haopu Investment Co., Ltd. v. Wicor Holding AG / Intermediate People's Court of Taizhou, Jiangsu Province, Decision of 02.06.2016 No. 00004 [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-icca-yb-xlii-302-n?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. (дата обращения: 06.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

арбитражных решений от 21.06.1999, поскольку ИСС вынес решение на территории Гонконга.<sup>123</sup>

Однако, если суд признал арбитражное соглашение недействительным уже после того, как арбитраж вынес свое решение, а ответчик перед арбитражем не возражал против действительности такого соглашения, то это, по мнению ВНС КНР не препятствует приведению в исполнение такого арбитражного решения, и нарушения публичного порядка нет.<sup>124</sup> При этом, в приведенном примере (дело *Castel Electronics v. TCL Air*) решение о недействительности арбитражного соглашения было также подтверждено самим Верховным народным судом КНР, народный суд высшей ступени провинции Гуандун (вторая инстанция) небезосновательно указывал на то, что приведение в исполнение решения будет означать игнорирование решения ВНС КНР о недействительности арбитражного соглашения и, как следствие, принципа *res judicata* и публичного порядка КНР. Однако ВНС КНР все же привел арбитражное решение в исполнение.

Еще одним делом, в котором возможное нарушение принципа *res judicata* подняло вопрос о противоречии публичному порядку КНР, является т.н. дело *Mitsui*.<sup>125</sup> В данном деле истцом выступала японская компания *Mitsui & Co. Ltd*, заключившая соглашение о погашении задолженности за третье лицо с китайским контрагентом. Известно, что данный контракт был дополнительным к основному соглашению между третьим лицом и китайской компанией

---

<sup>123</sup> Arrangement Concerning Mutual Enforcement of Arbitral Awards between the Mainland and the HKSAR / signed on June 21, 1999, has been implemented since February 1, 2000 [Electronic resource] // The Government of the Hong Kong Special Administrative Region [Website]. URL:

<https://www.info.gov.hk/gia/general/202011/27/P2020112700696.htm> (дата обращения: 06.02.2021)

<sup>124</sup> *Castel Electronics Pty Ltd. v. TCL Air Conditioner (Zhongshan) Co. Ltd* (TCL 空调器(中山)有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 10.10.2013, [2013]民四他字第 46 号(SPC) & [2012]粤高法仲复字第 7 号 (Guangdong HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-143?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 06.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

<sup>125</sup> *Mitsui & Co., Ltd. (日本三井物产株式会社) v. Hainan Textile Industry Co. (海南省纺织工业总公司)* / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 13.07.2005, [2001]民四他字第 12 号 (SPC) & [2001]琼经复字第 1 号 (Hainan HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-050?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 06.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

(ответчиком). Какие-либо другие детали, касающиеся содержания основного контракта и правоотношений между третьим лицом и истцом отсутствуют в судебных актах. Однако известно, что Mitsui & Co. Ltd обратилась в арбитраж, который впоследствии удовлетворил требования истца, тогда как третье лицо и ответчик инициировали судебное разбирательство в китайском суде в рамках основного контракта, который в итоге был признан недействительным.

Японская сторона обратилась в китайский суд с требованием о принудительном исполнении арбитражного решения. Суды первой и второй инстанций в исполнении решения отказали. Так, поскольку оплату согласно дополнительному соглашению ответчик должен был произвести в японских йенах, стороны должны были получить одобрение Государственного управления валютного контроля КНР (国家外汇管理局). В данном случае такого одобрения получено не было. Еще одним из аргументов было то, что поскольку основной контракт был признан недействительным, то у заявителя отсутствуют правовые основания для взыскания задолженности; приведение же решения в исполнение приведет к нарушению принципа *res judicata* и нарушению публичного порядка КНР. Однако ВНС КНР все же принял решение в пользу истца, правда мотивировка суда небезупречна. Так, представляется, что суд «смешал» выводы судов нижестоящих инстанций, отметив, что нарушение административных предписаний не ведет к нарушению публичного порядка, хотя нижестоящие суды связывали нарушение публичного порядка именно с признанием ими же основного соглашения недействительным. В итоге ВНС КНР предписал нижестоящим судам не отказывать в принудительном исполнении арбитражного решения по тем основаниям, которые представили нижестоящие суды, но и не указал, что решение должно быть приведено в исполнение. Поскольку в открытом доступе отсутствует информация о дальнейшей судьбе этого дела, достоверно неясно,



было ли решение приведено в исполнение или нет (вероятно да, поскольку итоговое решение не может противоречить позиции ВНС КНР).<sup>126</sup>

Однако ВНС КНР не всегда последователен в таком подходе. В 2008 году он вынес решение по спору Hemofarm DD (Сербия) v. MAG Intertrade Holding DD (Сербия), Sulame Media Ltd. (Лихтенштейн) и другие (Hemofarm case).<sup>127</sup> В 1995 году две сербские компании Hemofarm DD и MAG Intertrade Holding DD заключили с китайской компанией Jinan Yongning Pharmaceutical Co. Ltd создали совместное предприятие (Jinan-Hemofarm Pharmaceutical Co., Ltd. (Jinan-Hemofarm)). По контракту применимым было китайское право, арбитражное соглашение предусматривало передачу все споров на рассмотрение ICC. В дальнейшем Yongning инициировала в китайских судах три судебных разбирательства, требуя с совместного предприятия Jinan-Hemofarm задолженность по арендной плате, возврата арендованного имущества по трем контрактам, которые Yongning заключила с Jinan-Hemofarm. Все три процесса истец выиграл. В 2004 году другие учредители совместного предприятия обратились в ICC с иском к Yongning. По их мнению, ответчик нарушил контрактные обязательства, обратившись в китайский суд, тогда как контракт об учреждении совместного предприятия предписывал передачу споров в ICC; при разбирательстве в китайских судах подделал доказательства; вывел свои инвестиции из совместного предприятия. Истцы требовали от ответчика возврата этих инвестиций, компенсации ущерба и упущенной выгоды, компенсации судебных расходов и так далее. Арбитраж пришел к выводу, что обращение в суд с требованием о возврате арендных платежей по одному из арендных контрактов не нарушало контракт об учреждении

---

<sup>126</sup> Также это дело является ярким примером длительности процедур в рамках системы отчетности: в апреле 2001 года народный суд высшей ступени провинции Хайнань передал свое мнение в ВНС КНР, который вынес свой вердикт лишь в июле 2005, то есть спустя четыре года. Справедливости ради нужно отметить, что такая длительность является все же исключением. (См. там же)

<sup>127</sup> Hemofarm DD (Hemofarm DD), MAG International Commerce Co., (MAG 国际贸易公司), Sulame Media Co., Ltd. (苏拉么媒体有限公司) v. Ji'nan Yongning Pharmaceutical Co., Ltd. (济南永宁制药股份有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 02.06.2008, [2008]民四他字第 11 号 (SPC) & [2007]鲁民四他字第 12 号 (Shandong HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-081?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 07.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

совместного предприятия. Однако в ходе первого судебного процесса Yongning потребовал наложить арест на имущество совместного предприятия, что в итоге привело к прекращению его деятельности. Также арбитраж указал, что инициирование еще одного судебного разбирательства по второму контракту было произведено в нарушение арбитражного соглашения (позиция арбитража насчет третьего судебного процесса неизвестна). Арбитраж частично удовлетворил иски требования.

На этапе приведения в исполнение этого решения, ответчик сослался на нарушение публичного порядка. Китайские суды эту позицию поддержали, отметив, что спор по существу уже был рассмотрен китайскими судами, но арбитраж проигнорировал их решения, что подрывает авторитет китайских судов, юрисдикционный суверенитет КНР, идет вразрез с действием принципа *res judicata* и нарушает публичный порядок КНР. Также суд второй инстанции добавил, что «несправедливо» требовать от Yongning компенсацию за убытки, вызванные наложением китайским судом ареста на имущество совместного предприятия.

ВНС КНР решил, что арбитражное соглашение между учредителями совместного предприятия не распространялось на контракты, которые Yongning заключила с Jinan-Nemofarm, поддержал выводы нижестоящих судов, запретив приводить решение в исполнение. Хотя однозначно установить, какие конкретно вопросы рассматривались арбитражем и китайскими судами в рамках отдельных судебных разбирательств, не представляется возможным, поэтому не вполне ясно, действительно ли арбитражное соглашение не распространялось на судебные споры между одним из учредителей и совместным предприятием.<sup>128</sup>

Так или иначе, ВНС КНР в данном случае все же согласился с тем, что принцип *res judicata* является частью китайского публичного порядка. По сей

---

<sup>128</sup> С одной стороны, совместное предприятие не может нести права и обязанности по контракту, которым оно было учреждено, но, с другой стороны, арбитражное соглашение было сформулировано широко, и распространялось на все споры, связанные с контрактом об учреждении совместного предприятия, и его исполнением.

день это дело является единственным примером отказа ВНС КНР привести в исполнение иностранное арбитражное решение со ссылкой на пункт «b» части 2 статьи 5 Нью-Йоркской конвенции 1958 года.

Не является нарушением публичного порядка КНР «несправедливость» арбитражного решения.<sup>129</sup> В споре между GRD Minproc Limited (ответчик, иностранная компания) и Shanghai Flyingwheel Industry Co., Ltd. (上海飞轮实业有限公司) иностранная компания поставила китайскому контрагенту оборудование.<sup>130</sup> В дальнейшем выяснилось, что оборудование не соответствует контрактным спецификациям, а его использование наносит вред к нарушению стандартов безопасности на производстве, поскольку работа оборудования увеличивает концентрацию свинцовой пыли в воздухе свыше допустимых пределов. Истец обратился в Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, с требованием о расторжении контракта, возврата стоимости товара и уплаты убытков. В итоге арбитраж отклонил иск, возложив компенсацию расходов на китайскую сторону.

На этапе приведения решения в исполнение китайская сторона утверждала, что исполнение решения нарушит публичный порядок КНР, поскольку использование оборудования вредит здоровью и окружающей среде. Суды первой и второй инстанций, анализируя этот довод, пришли к выводу, что хотя ответчик и должен остановить использование поставленного оборудования, это приведет к значительным материальным потерям, что нарушает принцип справедливости, закрепленный в статье 6 Общих принципов гражданского права КНР («субъекты гражданского права, вступая в

---

<sup>129</sup> Western Bulk Pte Ltd. (韦斯顿瓦克公司) v. Beijing Zhonggang Tiantie Steel Trade Co. Ltd (北京中钢天铁钢贸易有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 21.05.2011, [2012]民四他字第 12 号(SPC) & [2011]津高民四他字第 4 号(Tianjin HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-133?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 07.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

<sup>130</sup> GRD Minproc Limited (GRD Minproc 有限公司) v. Shanghai Flyingwheel Industry Co., Ltd. (上海飞轮实业有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 18.06.2009, [2009]民四他字第 48 号(SPC) & [2008]沪高民四(商)他字第 2 号(Shanghai HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-089?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 07.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

гражданские правоотношения, должны руководствоваться принципом справедливости (公平原则), разумно устанавливать права и обязанности каждой из сторон). Однако ВНС КНР отметил, что вопросы справедливости арбитражного решения не имеют значения при определении, нарушает ли такое решение публичный порядок или нет.<sup>131</sup>

В деле *Shin-Etsu Chemical* нижестоящие суды сочли, что приведение в исполнение иностранного арбитражного решения против китайской компании, нанесет значительный урон всей китайской индустрии производства оптоволокна (китайский участник спора являлся главным производителем на китайском рынке), и в результате будет нарушен публичный порядок.<sup>132</sup> ВНС КНР не поддержал этот вывод, хотя арбитражное решение не было приведено в исполнение по другим основаниям.

Нарушение императивных норм права КНР. Как уже было отмечено, ВНС КНР крайне редко исследует вопросы публичного порядка в своих решениях, однако его молчаливое согласие с позициями нижестоящих судов служит подтверждением того или иного подхода. Так, в деле *Amulong Steel Co., Ltd.* (истец, иностранная компания) против *Yunnan Ni-Co Mineral Co., Ltd.* (云南镍钴矿业有限公司) и *Kunming Railway Bureau Imp. & Exp. Co., Ltd.* (昆明铁路局进出口有限公司) между сторонами был заключен контракт на импорт медной руды.<sup>133</sup> Одну из поставленных истцом партий не пропустили таможенные органы КНР, сочтя ее запрещенным к импорту товаром. Ответчики отказались оплатить эту поставку. В дальнейшем им удалось ее получить (детали этого не

---

<sup>131</sup> Там же.

<sup>132</sup> *Shin-Etsu Chemical Co., Ltd.* (信越化学工业株式会社) v. *Jiangsu Zhongtian Technology JSCL* (江苏中天科技股份有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 03.03.2008, [2007]民四他字第 26 号 (SPC) & [2007]苏民三他字第 0002 号 (Jiangsu HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-078?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 13.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

<sup>133</sup> *Amulong Steel Co., Ltd.* (阿姆龙钢铁有限公司) v. *Yunnan Ni-Co Mineral Co., Ltd.* (云南镍钴矿业有限公司), *Kunming Railway Bureau Imp. & Exp. Co., Ltd.* (昆明铁路局进出口有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 10.11.2009 [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-119?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 13.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

раскрываются, но, по-видимому, это было сделано в обход предписаний таможи, поскольку в итоге на ответчиков был наложен административный штраф). Международный арбитражный центр Гонконга (HKIAC) принял решение о взыскании с ответчиков суммы задолженности за поставленную партию товара и неустойку.

При рассмотрении заявления истца на принудительное исполнение арбитражного решения, ответчики в качестве одного из аргументов указали, что приведение в исполнение такого решения нарушит «природоохранный» публичный порядок КНР, поскольку объект контракта признан экологически опасным веществом, запрещенным к импорту. Народный суд средней инстанции города Куньмина отказал в приведении в исполнение решения, но по процессуальным основаниям. Поскольку ВНС КНР согласился с этим решением, то можно сделать вывод о том, что высшая судебная инстанция не сочла нарушение императивных норм права достаточным основанием для применения оговорки о публичном порядке. Не нарушает публичный порядок несоблюдение предписаний подзаконных актов, которые не являются условием действительности контракта<sup>134</sup>, а также административных ограничений, устанавливающих эмбарго.<sup>135</sup>

Не нарушают публичный порядок и арбитражные решения, в соответствии с которыми в частную собственность передается государственное недвижимое имущество (в КНР недвижимость, принадлежащая государству, может быть передана в частную собственность только при наличии разрешения

---

<sup>134</sup> Tianrui Hotel Investment Co., Ltd. (天瑞酒店投资有限公司) v. Hangzhou Yiju Hotel Management Co., Ltd. (杭州易居酒店管理有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 18.05.2010, [2010]民四他字第 18 号 (SPC) & [2010]浙商外他字第 3 号 (Zhejiang HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-104?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 13.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

<sup>135</sup> Louis Dreyfus Asia Pte Ltd (路易达孚商品亚洲有限公司) v. Guangdong Fuhong Oil Products Co. Ltd (广东富虹油品有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 10.10.2010, [2010]民四他字第 48 号 (SPC) & [2009]粤高法民四他字第 10 号 (Guangdong HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-130?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 13.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

от соответствующего органа государственной власти; передача такого имущества без подтверждения является уголовно наказуемым деянием).<sup>136</sup>

Также в одном из дел ВНС КНР указал, что подделка документов, в частности, печати для заключения контракта относится к вопросу действительности арбитражного соглашения, а не нарушения публичного порядка КНР.<sup>137</sup>

По внутренним спорам: арбитражное решение, ущемляющее интересы третьего лица, не противоречит публичному порядку, так как эта оговорка предполагает, что затрагиваются интересы всего общества.<sup>138</sup>

В 2020 году китайские суды отказались привести в исполнение арбитражное решение, которым предусматривалась передача одной стороне другой криптовалют. Обстоятельства дела: между двумя физическими лицами (фамилии Гао и Ли) был заключен договор управления активами (доверительного управления). Управляющий (Гао) и Ли в 2017 году заключили договор с юридическим лицом, которое продало Гао за 550 000 юаней 5% акций другой компании, собственником которых было это юридическое лицо. Частично указанная выше сумма была уплачена Гао (250 000 юаней), частично Ли (300 000 юаней). По условиям договора купли-продажи акций Гао обязался вернуть Ли 300 000 юаней в виде трех разных видов криптовалют. Поскольку Гао не исполнил обязательства по договору, Ли обратился в арбитраж с требованием взыскать с Гао 493 158,40 юаней (стоимость указанного

---

<sup>136</sup> Turbo (Fareast) Limited 德宝(远东)有限公司 v. Hubei Province Yingtai Economic Development Co. Ltd (湖北省鹰台经济发展有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 14.12.2011, [2011]民四他字第 62 号(SPC) & 鄂高法[2011]275 号(Hubei HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-134?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 14.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

<sup>137</sup> Hong Kong Xiangjin Cereals Oils & Foodstuffs Co., Ltd. (香港亨进粮油食品有限公司) v. Anhui Cereals Oils & Foodstuffs I/E Corp. (安徽粮油食品进出口(集团)公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 14.11.2003, [2003]民四他字第 9 号 (SPC) & [2003]皖执他字第 01 号 (Anhui HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-039?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 14.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

<sup>138</sup> Liu (刘某某) v. An Y Insurance Co. Ltd Shenzhen Branch (安某保险股份有限公司深圳分公司) / Intermediate People's Court of Shenzhen Decision of 12.05.2011, [2011]深中法民四初字第 123 号(Shenzhen IPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-a-191?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения: 14.02.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration.

количества криптовалют по актуальному на момент обращения в арбитраж курсу). Арбитраж удовлетворил заявленные требования, но в дальнейшем суды отказались привести решение в исполнение со ссылкой на нарушение публичного порядка (статья 58 Закона КНР об арбитраже). Суды опирались на Извещение о предупреждении опасностей биткоина от 03.12.2013 года № 289, изданное пятью органами государственной власти КНР, включая Народный банк КНР.<sup>139</sup> Согласно этому извещению, биткоин не является законным платежным средством, не обладает свойствами денег (его следует считать виртуальным товаром), и поэтому он не должен циркулировать на рынке. Арбитражное решение же предусматривало уплату задолженности в форме фиатных денег в сумме, эквивалентной определенному количеству криптовалют трех видов. Приведение в исполнение такого решения нарушит финансовый порядок и безопасность финансовой системы страны, что соответствует нарушению публичного порядка КНР. Данные выводы были также поддержаны Верховным народным судом КНР.<sup>140</sup>

---

<sup>139</sup>关于防范比特币风险的通知 /2013 年 12 月 3 日 人民银行、工信部、银监会、证监会、保监会 银发〔2013〕289 号 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного комитета Китайской Народной Республики по регулированию рынка ценных бумаг. URL: [http://www.csrc.gov.cn/pub/newsite/flb/flfg/bmgf/zh/gfxwjfxq/201401/t20140122\\_242972.html](http://www.csrc.gov.cn/pub/newsite/flb/flfg/bmgf/zh/gfxwjfxq/201401/t20140122_242972.html) (дата обращения:)

<sup>140</sup> Brad Wang, Xianyue Bai. Award Concerning Bitcoin Exchange – Bit Too Risky to Enforce? [Electronic resource]: April 2, 2021 // Kluwer Arbitration Blog: [Website]. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/04/02/award-concerning-bitcoin-exchange-bit-too-risky-to-enforce/> (дата обращения:15.02.2021)

### **Глава 3. Практика применения оговорки о публичном порядке судами Российской Федерации**

Поскольку в первой главе уже был дан обзор законодательства Российской Федерации о публичном порядке, в этой главе мы сосредоточимся на изучении правоприменительной практики российских судов.

На сегодняшний день Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений» является основным и наиболее детальным правовым актом, касающимся этого правового института. В Обзоре Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее также – «ВАС РФ») дал определение российскому публичному порядку, которое воспроизводится в других судебных актах, например, в пункте 51 Постановления Пленума ВС РФ от 10.12.2019 № 59 или актах КС РФ (Определение от 28 января 2021 г. № 98-О).

Обзор, безусловно оказал положительное влияние на практику применения российскими судами оговорки о публичном порядке, на нарушение которого очень часто безосновательно ссылались стороны спора с целью предотвратить приведение решения в исполнение. Учитывая известную сложность определения содержания публичного порядка, зачастую судьи применяли эту оговорку расширительно, что приводило к необоснованным отказам в принудительном исполнении иностранных арбитражных решений.<sup>141</sup> Эта проблема неоднократно подчеркивалась в исследованиях российских ученых. С принятием Обзора в 2013 году количество случаев, когда стороны ссылались на нарушение публичного порядка, или судьи отказывали в принудительном исполнении арбитражных решений резко сократилось, однако

---

<sup>141</sup> Карабельников Б.Р. Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. И главам 30 и 31 АПК РФ / Б.Р. Карабельников. М.: Статут, 2008. С. 221.



впоследствии снова начало расти.<sup>142</sup> Согласно исследованию российской практики признания и приведения, в исполнение иностранных арбитражных решений за периоды с 2008 по 2017 годы, проведенному Российской арбитражной ассоциацией, нарушение публичного порядка по сравнению с другими основаниями отказа в исполнении иностранных арбитражных решений, указанными в статье 5 Конвенции, стало самым частым. В двадцати случаях из пятидесяти одно нарушение публичного порядка стало причиной отказа в признании и приведении иностранных решений.<sup>143</sup> Опубликованный в 2019 году обновленный отчет показал, что за 2018 год «популярность» оговорки о публичном порядке только возросла: если в 2017 году стороны 12 раз заявляли о нарушении публичного порядка (и в 11 случаях суды согласились с этим), то в 2018 году число таких случаев было уже 17, из которых 16 раз суды пришли к выводу о том, что публичный порядок действительно был нарушен.<sup>144</sup>

Обзор отчасти пролил свет на то, в каких ситуациях, по мнению ВАС РФ, публичный порядок будет нарушен. Так, как следует из пункта 2 Обзора, если арбитражное решение предусматривает удовлетворение требований, вытекающих из контракта, заключенного в результате коммерческого подкупа, приведение в исполнение такого решения нарушит российский публичный порядок. Также, согласно пункту 12 Обзора, несоответствие арбитра требованиям независимости и беспристрастности также может привести к отказу в исполнении арбитражного решения со ссылкой на нарушение публичного порядка.

Анализ судебной практики применения оговорки о публичном порядке при признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений

---

<sup>142</sup> Zykov R. The Statistical Analysis of the Application of the New York Convention in Russia [Electronic resource]: February, 2019 // Kluwer Arbitration Blog [Website]. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2019/02/04/the-statistical-analysis-of-the-application-of-the-new-york-convention-in-russia/> (дата обращения: 18.03.2021)

<sup>143</sup> Там же.

<sup>144</sup> UPDATED STATS ON THE NEW YORK CONVENTION IN RUSSIA IN 2018 [Electronic resource] // Mansors.com [Website]. URL: [https://mansors.com/media/blog/updated\\_stats\\_on\\_the\\_new\\_york\\_convention\\_in\\_russia/](https://mansors.com/media/blog/updated_stats_on_the_new_york_convention_in_russia/) (дата обращения: 18.03.2021)

за период с 20014 по 2020 года позволил выделить ряд типичных ситуаций, в которых российские суды признают нарушение публичного порядка.

Так, нарушением публичного порядка является извлечение преимуществ и выгод одной стороной гражданско-правовых отношений за счет другой стороны без наличия на то оснований, определенных условиями договора. Такое арбитражное решение, нарушает принцип равенства сторон, входящий в публичный порядок Российской Федерации. В деле № А40-87194/13-68-844 Федеральный арбитражный суд Московского округа пришел к выводу, что покупатель, не став собственником спорного имущества, которое поставил ответчик, и зная об этом факте, без законных оснований и уведомления собственника имущества внес значительные модификации в оборудование, а затем обратился в третейский суд с требованием о взыскании убытков, связанных с понесенными истцом расходами в связи с модернизацией имущества. Верховный Суд РФ добавил, что к элементам публичного порядка Российской Федерации, прежде всего, относятся принципы, нашедшие закрепление в Конституции Российской Федерации (в частности, принцип неприкосновенности собственности), среди прочего, основные начала гражданского законодательства.<sup>145</sup> Данное решение в исследовательской литературе приводится как отрицательный пример вмешательства российских судов в существо спора.<sup>146</sup>

Если иностранный арбитраж при рассмотрении спора применил материально-правовые нормы, которые стороны своим соглашением исключили, то это является нарушением публичного порядка.<sup>147</sup> Также

---

<sup>145</sup> Постановление от 08 июля 2014 г. по делу № А40-87194/2013 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»;  
Определение от 12 января 2015 г. по делу № А40-87194/2013 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>146</sup> Karabelnikov B.R. National Report for Russian Federation (2020 through 2021) / B.R. Karabelnikov [Electronic resource] // ICCA International Handbook on Commercial Arbitration / ed. Lise Bosman. 2020. P. 1 – 104. URL: <https://www.kluwarbitration.com/document/kli-ka-icca-hb-110-004-n?q=public%20policy&jurisdiction=Russian%20Federation&type=Commentary> P. 88 (дата обращения: 04.04.2021).  
Режим доступа: Kluwer Arbitration

<sup>147</sup> Постановление от 24 мая 2017 г. по делу № А40-230545/2016 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»;  
Постановление от 23 августа 2018 г. по делу № А40-77098/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

изменение истцом на последней стадии рассмотрения спора арбитражем предмета и основания иска (если изменения были приняты иностранным арбитражем) может быть расценено как нарушение принципа равенства сторон, если ответчик был лишен возможности представить возражения.<sup>148</sup> На мой взгляд, этот пример, а также приведенная выше ситуация с применением арбитражем материальных норм, не согласованных сторонами, свидетельствуют о расширительном применении оговорки о публичном порядке, поскольку в таких ситуациях суды явно вмешиваются в существо спора, по сути пересматривая выводы арбитража, что недопустимо.

Требования законности, обоснованности, мотивированности, окончательности судебного акта распространяются и на иностранные арбитражные учреждения, исходя из их нацеленности на установление правовой определенности в спорных отношениях и определения справедливого баланса прав спорящих сторон. Те решения, которые не соответствуют указанным критериям нарушают публичный порядок Российской Федерации.<sup>149</sup>

Если иностранное арбитражное решение основано на договоре, признанном недействительным российским судом, приведение в исполнение такого решения иностранного арбитража, исходя из основания признания договора недействительным, будет означать нарушение основ конституционного строя и существующего в Российской Федерации правопорядка (основ публичного порядка).<sup>150</sup> Это проявление действия принципа *res judicata* или принципа законности судебного акта. Помимо приведенной ситуации нарушение этого принципа также может быть вызвано, например, повторным рассмотрением иностранным арбитражем одних и тех же

---

Определение от 24 декабря 2018 г. по делу № А40-77098/2018 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»;

Постановление от 11 июля 2018 г. по делу № А40-239803/2017 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>148</sup> Постановление от 24 июня 2017 г. по делу № А40-230545/2016 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>149</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 24 февраля 2015 г. по делу № А40-274/2014 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>150</sup> Определение от 11 апреля 2016 г. по делу № А40-50778/2015 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

требований, по которым уже имеется решение международного коммерческого арбитража. Признанное и приведенное в исполнение судебным актом государственного суда иностранное арбитражное решение свидетельствует о формировании правовой определенности по спорному вопросу, о наличии в юрисдикции исполнения решения законного, окончательного (принцип *res judicata*) судебного акта.<sup>151</sup> Иногда принцип законности обозначается как принцип обязательности судебных актов.<sup>152</sup>

«Таким образом, окончательность судебного акта и сформированная им правовая определенность по спорному вопросу являются элементом общепризнанного принципа законности как части национального публичного порядка. Признание и приведение в исполнение арбитражного решения, принятого по спору, по которому уже признанно и приведено в исполнение в Российской Федерации окончательное арбитражное решение по требованиям, которые были отклонены международным коммерческим арбитражем, то есть конфликт между сторонами по спорному вопросу прекращен решением арбитража, по поводу данного факта установлена правовая определенность, будет нарушать публичный порядок».<sup>153</sup> Здесь можно провести параллель с китайской судебной практикой: если ВСН КНР придерживается крайне ограничительного подхода в применении оговорки о публичном порядке со ссылкой на нарушение принципа *res judicata*, то российская судебная практика, наоборот трактует этот принцип широко.

Злоупотребление правом также влечет нарушение публичного порядка. Может выражаться во мнимости сделки, по требованиям из которой впоследствии вынесено арбитражное решение.<sup>154</sup> Такое поведение участников

---

<sup>151</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 27 сентября 2017 г. по делу № А54-3603/2016 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>152</sup> Постановление от 10 марта 2017 г. по делу № А27-781/2011 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа // СПС «КонсультантПлюс»;

Определение от 13 июня 2017 г. по делу № А27-781/2011 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>153</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 27 сентября 2017 г. по делу № А54-3603/2016 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>154</sup> Признаками такой сделки может служить отсутствие реального исполнения, осуществление «транзитных денежных переводов» и так далее.

гражданского оборота, фактически направленное на создание искусственной задолженности, при отсутствии доказательств обратного, представляет собой, как отмечают суды, использование юридических лиц для целей злоупотребления правом, что «противоречит назначению юридического лица как субъекта права».<sup>155</sup> Также такие действия являются формой незаконного использования института судебной власти.<sup>156</sup>

В деле № А40-169104/2018 сделка по продаже акций была специально структурирована с участием иностранных юридических лиц и ключевой целью структурирования сделки было уменьшить налогообложение; офшорная структура сделки должна была оптимизировать налог на сумму 30 млн. рублей, который иначе подлежал уплате продавцом при сделке на территории России. Суды сослались на статью 10 ГК РФ, признав подобные действия обходом закона, а поскольку сделка направлена на уклонение от уплаты налога продавцом при продаже имущества, расположенного на территории России, спорное арбитражное решение противоречит публичному порядку России.<sup>157</sup>

Арбитражное решение, вынесенное в отсутствие арбитражного соглашения между сторонами, нарушает публичный порядок. В подобной ситуации нарушается право каждого на суд и возможность ограничить это право по собственной воле путем обращения к альтернативным способам разрешения споров, в том числе в международный коммерческий арбитраж.<sup>158</sup>

В отсутствие международного договора, регламентирующего основания и порядок признания и принудительного исполнения судебных решений по публичным, в том числе таможенным, налоговым делам, приведение в

---

<sup>155</sup> Постановление от 25 сентября 2019 г. по делу № А60-14725/2019 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Уральского округа // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>156</sup> Там же.

<sup>157</sup> Постановление от 5 декабря 2018 г. по делу № А40-169104/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>158</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 4 сентября 2017 г. по делу № А40-60583/2016 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

Кстати, в инвестиционных спорах отсутствие арбитражного соглашения и отсутствие доказательств согласия принимающего государства на передачу спора в арбитраж российские суды сочли нарушением принципа уважения суверенитета государств, который также является российского публичного порядка. Определение от 27 июля 2015 г. по делу № А40-64831/2014 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

исполнение иностранного судебного решения по такому спору противоречит публичному порядку. Поскольку судебными решениями по таким спорам предусматривается взыскание таможенных платежей, налогов, пеней в бюджет иностранного государства, приведение в исполнение решения нарушит юрисдикционный иммунитет РФ и фискальный иммунитет ее имущества.<sup>159</sup>

Очень часто суды, включая ВС РФ смешивают различные основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных и судебных решений. Например, в одном из проанализированных автором дел иностранный арбитраж принял решение, по которому одна из сторон, в числе прочего, обязана «незамедлительно осуществить реализацию всех оставшихся активов российского ликвидируемого юридического лица» и «осуществить надлежащее завершение деятельности ликвидируемого юридического лица...».<sup>160</sup> Российские суды установили, что споры, связанные с ликвидацией юридических лиц, относятся к исключительной компетенции арбитражных судов в Российской Федерации по делам с участием иностранных лиц (пункт 5 части 1 статьи 248 АПК РФ). И хотя данное обстоятельство является самостоятельным основанием отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (пункт 3 части 1 статьи 244 АПК РФ), суды заодно указали, что приведение в исполнение такого иностранного арбитражного решения противоречит российскому публичному порядку.<sup>161</sup> Эти выводы подтвердил и Верховный Суд РФ.

В другом деле решение по спору было принято иностранным судом, хотя компетентным являлся российский суд, и, как следует из практики, приведение в исполнение такого судебного решения может привести к нарушению публичного порядка.<sup>162</sup> Хотя отказ в исполнении решения, принятого

---

<sup>159</sup> Определение от 13 июня 2017 г. по делу № А41-22518/2014 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»;

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 1 февраля 2017 г. по делу № А41-22518/2014 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>160</sup> Постановление от 26 июня 2019 г. по делу № А40-296672/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>161</sup> Там же.

<sup>162</sup> Постановление от 13 апреля 2018 по делу № А40-11868/2017 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

иностранным судом в отсутствие у него компетенции может быть предусмотрен как самостоятельное основание в том числе международным договором (например, статья 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 года (Киевское соглашение)).<sup>163</sup>

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 26.02.2019 № Ф05-500/2019 по делу № А40-223894/18 суд установил, что решение иностранного арбитража о взыскании с заинтересованного лица 3 600 065,30 долларов США в течение 14 дней с момента опубликования этого решения было вынесено на основании вывода, который состав арбитража сделал, не консультируясь со сторонами спора, то есть лишив Заинтересованное лицо возможности представить свои объяснения по результатам дополнительного слушания по существу спора и добиться зачета своих встречных требований против требований Заявителя. Суд подтвердил выводы суда первой инстанции о том, что решение арбитража не может считаться окончательным и сослался на пункт «е» части 1 статьи 5 Конвенции. Однако, в этом же судебном акте суд указал, что решение арбитража не соответствует требованиям статьи 31 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», (которая неприменима к вопросам признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений), а Верховный Суд РФ в Определении от 10.06.2019 по делу № А40-223894/2018 указал, что приведение в исполнение решения нарушит публичный порядок. Такой вывод нельзя признать юридически корректным.<sup>164</sup> Это дело является еще одним типичным примером вмешательства российского суда в существо спора. При этом в деле № А40-61107/2019 тот Арбитражный суд Московского округа в аналогичной ситуации отклонил такие же аргументы стороны, как и в деле № А40-223894/18.<sup>165</sup>

---

<sup>163</sup> Там же.

<sup>164</sup> Постановление от 26 февраля 2019 г. по делу № А40-223894/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»;  
Определение от 10 июня 2019 г. по делу № А40-223894/2018 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>165</sup> Karabelnikov B.R. National Report for Russian Federation (2020 through 2021) / B.R. Karabelnikov [Electronic resource] // ICCA International Handbook on Commercial Arbitration / ed. Lise Bosman. 2020. P. 1 – 104. URL:

В деле № А40-221986/2018 суд согласился с доводами стороны о том, что МКАС при ТПП Украины не исследовал при рассмотрении дела документы, подтверждающие одобрение заключенного между сторонами спора договора как крупной сделки, не исследовал вопрос о наступлении неблагоприятных последствий для акционеров, принял решение о взыскании при фактическом отсутствии задолженности, при ненадлежащем извещении стороны о времени и месте рассмотрения дела, в связи с чем признание и приведение в исполнение такого решения будет противоречить публичному порядку Российской Федерации.<sup>166</sup> В этот раз под публичный порядок были «подведены» и ненадлежащее уведомление стороны, что согласно статье 244 АПК РФ является самостоятельным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных решений, и повторное исследование обстоятельств дела, что запрещено пунктом 3 статьи 243 АПК РФ.<sup>167</sup>

В Определении от 30.04.2019 по делу № А35-2592/2018 судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала, что «признание и приведение в исполнение на территории Российской Федерации решения иностранного суда, вынесенного без надлежащего уведомления стороны спора о процессе, противоречит как публичному порядку Российской Федерации, так и нормам международного права и законодательства Российской Федерации, поскольку лишает одну из сторон процесса права на справедливое судебное разбирательство». <sup>168</sup> Данный пример лишний раз демонстрирует практику подмены публичным порядком других оснований отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, хотя в пункте 4 Обзора ВАС РФ прямо указал на ошибочность подобной практики.

---

<https://www.kluwarbitration.com/document/kli-ka-icca-hb-110-004-n?q=public%20policy&jurisdiction=Russian%20Federation&type=Commentary> P. 88 (дата обращения: 04.04.2021).  
Режим доступа: Kluwer Arbitration

<sup>166</sup> Постановление от 11 февраля 2019 г. по делу № А40-221986/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>167</sup> Там же.

<sup>168</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 30 апреля 2019 г. по делу № А35-2592/2018 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»



В содержание российского публичного порядка входит и принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности. Несоразмерность может выражаться, например, начислении слишком большой неустойки.<sup>169</sup> Другая ситуация: судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 25.02.2020 по делу № А40-46243/2019 (дело АО «РейлТрансАвто») указала, что МКАС при ТПП РФ при вынесении арбитражного решения произвел расчет ущерба без учета таких элементов публичного порядка Российской Федерации как принципы справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства, принципа виновного характера ответственности. Ответчик указывал на невозможность выполнения условий договора в связи с введением специальных экономических мер государствами Европейского союза. Такие обстоятельства, по мнению ответчика, свидетельствуют об отсутствии объективной возможности надлежащего выполнения условий договора и, следовательно, исключают вину общества в ненадлежащем исполнении договора. Данный довод высшей судебной инстанцией был поддержан.<sup>170</sup>

Между тем, иногда принцип соразмерности толкуется судами слишком расширительно. В деле № А40-172778/2018 суд пришел к выводу о том, что штраф («в десятки раз превышает нарушенное обязательство»), уплата которого возложена арбитражным решением на проигравшую сторону, чрезмерна. Между тем, сумма штрафа была установлена на основе соответствующих пунктов договора между сторонами, то есть истец и ответчик согласились с последствиями нарушения обязательства в виде штрафа такого размера.<sup>171</sup> Едва ли подобную ситуацию можно признать противоречащей публичному порядку.

---

<sup>169</sup> Определение от 28 февраля 2020 г. по делу № А60-30184/2019 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>170</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 25 февраля 2020 г. по делу № А40-46243/2019 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>171</sup> Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 ноября 2018 г. по делу № А40-172778/2017 [Электронный ресурс] / Федеральный Арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

Публичный порядок будет нарушен и в случае приведения в исполнение иностранного судебного или арбитражного решения по спору из договора, при заключении или исполнении которого стороны проигнорировали императивные предписания российского законодательства. В деле № А41-90912/2018 предметом спора между иностранным и российским предприятием являлось, в частности, оформление документации по продукции военного назначения. При этом, спорная документация (продукция), которая должна была быть поставлена ему должником, согласно результатам проведенной экспертизы, является интеллектуальной собственностью на компонент ракетно-космической техники. Такая документация подпадает в перечень видов продукции, свободная реализация которых запрещена и регулируется Постановлением Правительства РФ от 15.09.2008 № 691 «Об утверждении Положения о лицензировании внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), в отношении которых установлен экспортный контроль». Таким образом, суд пришел к выводу о нарушении российского публичного порядка.<sup>172</sup>

К подобным ограничениям могут относиться и эмбарго на ввоз товаров. В деле № А21-4708/2018 основанием для отказа ответчика от Контракта послужил запрет, введенный компетентным органом Российской Федерации в отношении ввоза товара из Украины. Спор рассматривался арбитражем ФОСФА (Federation of Oils, Seeds & Fats Associations Ltd), который пришел к выводу о том, что ответчик был обязан принимать товар от истца, несмотря на введенный запрет. Но, по мнению российских судов, невозможность исполнения Контракта возникла независимо от воли ответчика, а в результате императивного предписания компетентного органа о запрете ввоза на территорию Российской Федерации с 01.08.2014 соевых бобов из Украины. Суды посчитали, что статья 417 ГК РФ («Прекращение обязательства на основании акта органа государственной власти или органа местного

---

<sup>172</sup> Постановление от 21 мая 2019 г. по делу № А41-90912/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

самоуправления») в сочетании с запретом на ввоз товара является сверхимперативной (пункт 1 статьи 1192 ГК РФ). Ответчик неоднократно уведомлял Истца о введенном запрете на ввоз в Российскую Федерацию соевых бобов, равно как и о невозможности дальнейшего исполнения Контракта. Поэтому исполнение решения ФОСФА противоречит публичному порядку Российской Федерации.<sup>173</sup>

В деле № А40-117331/18 суды сочли нарушением публичного порядка взыскание иностранным арбитражем акций компании, входящей в перечень стратегических предприятий, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 04.08.2004 № 1009 «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ», и конечным бенефициаром по которым является Российская Федерация.<sup>174</sup> Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что приведение в исполнение такого решения иностранного арбитражного суда, может нанести ущерб бюджету Российской Федерации в результате вывода денежных средств на счета иностранных компаний. Данное решение демонстрирует то, что в российской судебной практике сохраняется явно протекционистский подход к рассмотрению некоторых заявлений о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных и судебных решений. Более того, суды даже сослались на статью 10 ГК РФ, указав применительно к данной ситуации, что не допускаются действия в обход закона с противоправной целью, которой в действительности не было.

Наконец, нарушением публичного порядка признается администрирование споров между российскими лицами на территории РФ иностранным арбитражным учреждением, не получившим права на

---

<sup>173</sup> Постановление от 25 сентября 2018 г. по делу № А21-4708/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>174</sup> Постановление от 16 января 2019 г. по делу № А40-117331/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»

осуществление функции ПДАУ в соответствии с требованиями Закона об арбитраже.<sup>175</sup>

Подытоживая приведенный выше анализ, можно сказать, что суды часто подменяют нарушением публичного порядка другие основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. Или дополнительно к процессуальному основанию отказа в исполнении решения, словно «на всякий случай», указывается на нарушение публичного порядка.

Иногда арбитрабельность спора ошибочно рассматривается (в том числе и Верховным Судом РФ) в качестве элемента публичного порядка.<sup>176</sup> В судебных актах зачастую не даются ссылки на конкретные пункты, например, статьи 244 АПК РФ, что не позволяет однозначно установить, по какому конкретно основанию решение не было исполнено.

Вопреки нормам законодательства, разъяснениям, содержащимся в Обзоре, суды нередко вмешиваются в существо спора, давая иную оценку фактам, которые уже были исследованы арбитражем.

Необоснованно признаются нарушающими публичный порядок некоторые споры с «публичным элементом».<sup>177</sup>

Частым основанием отказа в исполнении арбитражного решения со ссылкой на публичный порядок является несоразмерность присужденной арбитражем санкции за нарушение условий контракта. Однако суды, как правило, не представляют обоснования, почему тот или иной размер штрафа,

---

<sup>175</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 12 марта 2020 г. по делу № А27-5147/2019 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>176</sup> Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 11 июля 2018 г. по делу № А40-165680/2016 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс»

<sup>177</sup> <sup>177</sup> Как отметил, О.Ю. Скворцов, концепция концентрации публично значимых элементов отчасти даже заместила собой оговорку о публичном порядке, и, если, например, затрагиваются вопросы бюджета, интересы государственных компаний, учреждений, споры признаются автоматически неарбитрабельными, причем обычно добавляется ссылка на нарушение публичного порядка, что также неверно (см. Skvortsov O. A Conservative Model of Arbitration: The Russian Experience / O. Skvortsov [Electronic resource] // Indian Journal of Arbitration Law. 2020. vol. IX, issue 1. P. 68. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-ijal-9-1-004-n?q=A%20Conservative%20Model%20of%20Arbitration%3A%20The%20Russian%20Experience>. (дата обращения: 06.05.2021) Режим доступа: Kluwer Arbitration

неустойки является, по их мнению, слишком большим, тем более, если стороны согласовали размер неустойки.

## Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Анализ китайской судебной практики показал, что ВНС КНР придерживается очень ограничительного и осторожного подхода к применению оговорки о публично порядке. На сегодняшний день существует только один пример, когда ВНС КНР отказал в признании и приведении в исполнение иностранного (то есть принятого иностранным арбитражным центром на территории другого государства) арбитражного решения. Такие обстоятельства как, например, эмбарго на ввоз товаров, в том числе наложенное китайскими контролирующими органами, несоблюдение административных предписаний к оформлению сделки, ошибки арбитража в применении норм материального права, «несправедливость» арбитражного решения, наличие публичных элементов не приводят к нарушению публичного порядка. Даже нарушение принципа *res judicata* в ряде ситуаций не рассматривалось как нарушение публичного порядка.

Важно отметить, что почти во всех делах, ссылки на которые приведены в главе, посвященной КНР, нижестоящие суды полагали, что публичный порядок нарушен, но ВНС КНР приходил к иным выводам, либо отделяя публичный порядок от других оснований отказа в исполнении решения, либо не находил оснований для отказа. Поэтому можно сделать вывод, что созданием единообразной судебной практики применения оговорки о публичном порядке китайская судебная система во-многом обязана системе отчетности, посредством которой принимаются решения касательно действительности арбитражных соглашений, отказа в исполнении и отмены иностранных арбитражных решений. Однако значительна роль и Верховного народного суда КНР, который, в целом, придерживается единообразного подхода к трактовке публичного порядка и применению этой оговорки.

2. Анализ российской судебной практики за период с 2014 по 2020 годы показал, что у российских судов, включая Верховный Суд РФ по-прежнему отсутствует единое понимание содержания публичного порядка, и в каких ситуациях оговорка о публичном порядке должна применяться. Допустимо утверждать, что ошибки применения оговорки о публичном порядке, на которые обращается внимание в данной работе, в российской судебной практике уже стали системными. С появлением Информационного письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 № 156, где были указаны принципы, которыми следует руководствоваться при применении оговорки о публичном порядке, готовность судов ее использовать снизилась, но кратковременно. С течением времени количество дел, где сторона в отсутствие убедительных оснований указывала на нарушение публичного порядка, а суд подтверждал это, стало только увеличиваться, и исследование последней практики показывает, что тенденция едва ли изменится в ближайшее время. Верховным судом РФ часто поддерживаются выводы нижестоящих судов даже в тех случаях, когда они противоречат законодательству или, например, выводам, содержащимся в Информационном письме Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.02.2013 № 156.

Учитывая положительный, пусть и краткосрочный, эффект на правоприменительную практику, который оказал Обзор, допускаю, что исправление текущей ситуации возможно принятием нового судебного акта, например, в форме постановления Пленума Верховного Суда РФ или обзора судебной практики, в котором были бы даны новые ориентиры для нижестоящих судов касательно применения оговорки о публичном порядке. При этом сам Верховный суд РФ также должен придерживаться единообразного подхода. Именно его отсутствие у высшей судебной инстанции, а не, например, отсутствие аналога китайской системы отчетности (в РФ ее роль выполняет система обжалования), приводит к формированию ошибок в судебной практике.

3. Транснациональный публичный порядок – это, в первую очередь, инструмент международного арбитра. Эта категория публичного порядка становится особенно полезна, когда стороны соглашаются провести разбирательство, исходя из соображений справедливости (*ex aequo et bono*). Тем не менее, отсутствие всеобщего согласия относительно содержания транснационального публичного порядка, его функций и правил применения может негативно сказаться на определенности арбитражного решения, и, как следствие, перспективах его принудительного исполнения государственным судом.

Теория транснационального публичного порядка уже получила свое реальное воплощение, однако практика показывает, что в арсенале арбитра этот инструмент играет скорее дополняющую роль, и говорить о каком-либо кардинальном изменении в подходах международных арбитражей к использованию транснационального публичного порядка в обозримом будущем не приходится.

4. Транснациональный публичный порядок, будучи порождением «международного правопорядка», не приспособлен для цели защиты национального правопорядка. В случае «столкновения» транснационального публичного порядка в арбитражном решении и национального, вряд ли какой-либо государственный суд решится сделать выбор в пользу первого. Иначе не только потеряет всякий смысл концепция национального публичного порядка, но и будет ущемлен государственный суверенитет. Содержание транснационального порядка уже, чем содержание международного публичного порядка: где-то они могут практически совпадать, где-то различия будут более заметны. Тем не менее, национальный публичный порядок и транснациональный не могут совпасть, поскольку различие между этими двумя категориями, даже если это различие минимально, кроется в самой возможности государства «наполнить» национальный публичный порядок тем содержанием, которое наилучшим образом отражает особенности национального правопорядка, особенности, которые транснациональный



публичный порядок не может учесть. Декларация того, что национальный публичный порядок и транснациональный полностью совпадают, будет означать, что государство сознательно лишает себя такой возможности.

Использование транснационального публичного в качестве ориентира для определения содержания публичного порядка государства, разграничения между внутренним публичным порядком государства и международным публичным порядком государства, возможно, и в теории способно оказать положительный эффект на формирование единообразной судебной практики в рамках той или иной правовой системы, однако на практике труднореализуемо в связи с неопределенностью содержания национального публичного порядка, факт возможного нарушения которого судье придется устанавливать в каждом случае с учетом обстоятельств дела, а также еще большей неопределенностью самого транснационального публичного порядка.<sup>178</sup> Тем не менее, российским судам следует рассматривать заявления о приведении в исполнение иностранных арбитражных и судебных решений в том числе и через «призму» универсальных правовых принципов, вырабатывая практику ограничительного применения национального публичного порядка.<sup>179</sup>

---

<sup>178</sup> Что, кстати позволяет проводить «удобные» параллели с транснациональным публичным порядком, доказывая реальность и функциональность последнего.

<sup>179</sup> Примечательно, что ни в одном из проанализированных российских судебных решений за период с 2014 по 2020 годы суды не указывали на необходимость ограничительного толкования и применения публичного порядка, тогда как, например, Верховный народный суд КНР на это неоднократно обращал внимание.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

(в хронологическом порядке)

### 1. Научные книги и статьи

1. Burger, David Clifford. Transnational Public Policy as a Factor in Choice of Law Analysis / David Clifford Burger // New York Law School Journal of International and Comparative Law. – 1984. – vol. 5, no. 2 & 3 – P. 367-390.
2. Lalive P. Transnational (or Truly International) Public Policy and International Arbitration [Electronic resource] // Comparative Arbitration Practice and Public Policy in Arbitration, ICCA Congress Series / ed. Pieter Sanders. – 1987. – vol 3. – P. 258-318. URL:  
[https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn14788?q=Transnational%20\(or%20Truly%20International\)%20Public%20Policy%20and%20International%20Arbitration](https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn14788?q=Transnational%20(or%20Truly%20International)%20Public%20Policy%20and%20International%20Arbitration) – Режим доступа: Kluwer Arbitration.
3. Buchanan, Mark A. Public Policy and International Commercial Arbitration / Mark A. Buchanan // American Business Law Journal. – 1988. – vol. 26, no. 3. –P. 511-532.
4. Baniassadi, Mohammad Reza. Do Mandatory Rules of Public Law Limit Choice of Law in International Commercial Arbitration / Mohammad Reza Baniassadi // International Tax & Business Lawyer. – 1992. – vol. 10, no. 1. – P. 59-84.
5. Chukwumerije, Okezie. Mandatory Rules of Law of International Commercial Arbitration / Okezie Chukwumerije // African Journal of International and Comparative Law. – 1993. – vol. 5, no. 3. – P. 561-580.
6. Curtin, Kenneth-Michael. Redefining Public Policy in International Arbitration of Mandatory National Laws / Kenneth-Michael Curtin // Defense Counsel Journal. – 1997. – vol. 64, no. 2. – P. 271-284.
7. Fouchard Gaillard Goldman on International Commercial Arbitration / eds Emmanuel Gaillard, John Savage. – The Netherlands: Kluwer Law International, 1999. – 1320 p.

8. Rubino-Sammartano, Mauro. *International Arbitration: Law and Practice* (2nd edition) / Mauro Rubino-Sammartano. – The Netherlands: Kluwer Law International, 2001. – 1058 p.
9. Hunter, Martin, and Gui Conde E. Silva. *Transnational Public Policy and its Application in Investment Arbitrations* / Martin Hunter, Gui Conde E. Silva // *Journal of World Investment*. –2003. – vol. 4, no. 3. – P. 367-378.
10. Richard H. Kreindler. *Approaches to the Application of Transnational Public Policy by Arbitrators* // *Journal of World Investment*. – 2003. - №4. – P. 239-250.
11. Курочкин С.А. *Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже.* / С.А. Курочкин. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 296 с.
12. Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права / Т.Н. Нешатаева // *Вестник ВАС РФ*. – № 3. – 2004. с. 69 – 77.
13. Barraclough, Andrew, and Jeff Waincymer. *Mandatory Rules of Law in International Commercial Arbitration* / Andrew Barraclough, Jeff Waincymer // *Melbourne Journal of International Law*. – 2005. – vol. 6, no. 2. – P. 205-244.
14. Литвинский, Д.В. *Признание иностранных судебных решений по гражданским делам (сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины)* / Д.В. Литвинский. – Санкт-Петербург: Издательство юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2005. – 952 с.
15. Крохалев, С.В. *Категория публичного порядка в международном гражданском процессе: монография* / С.В. Крохалев. – Екатеринбург: Издательство Уральской государственной юридической академии, 2006. – 472 с.
16. Reisman M. *Law, International Public Policy (So-called) and Arbitral Choice in International Commercial Arbitration [Electronic resource]* // *International*

Arbitration 2006: Back to Basics? / ed. Albert Jan Van den Berg. ICCA Congress Series. 2007. № 13. P. 855-856.

URL: [https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn31652?q=Law%2C%20International%20Public%20Policy%20\(So-](https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn31652?q=Law%2C%20International%20Public%20Policy%20(So-called)%20and%20Arbitral%20Choice%20in%20International%20Commercial%20Arbitration)

[called\)%20and%20Arbitral%20Choice%20in%20International%20Commercial%20Arbitration](https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn31652?q=Law%2C%20International%20Public%20Policy%20(So-called)%20and%20Arbitral%20Choice%20in%20International%20Commercial%20Arbitration). Режим доступа: Kluwer Arbitration

17. Kessedjian C. Transnational Public Policy [Electronic resource] // International Arbitration 2006: Back to Basics? / ed. Albert Jan Van den Berg, ICCA Congress Series. – 2007. – № 13. – P. 857. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn31653?q=Transnational%20Public%20Policy>. Режим доступа: Kluwer Arbitration
18. Канашевский В.А. Императивные нормы в практике международного коммерческого арбитража / В.А. Канашевский // Внешнеторговое право. – 2007. – № 2. – С. 43-45.
19. Lo, Chang-fa. Principles and Criteria for International and Transnational Public Policies in Commercial Arbitration // Contemporary Asia Arbitration Journal. – 2008. – vol. 1, no. 1. – P. 67-90.
20. Канашевский В.А. Международный коммерческий арбитраж и публичный порядок / В.А. Канашевский // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 6. – С. 40-42.
21. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование / В.А. Канашевский. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 608 с.
22. Карабельников Б.Р. Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. И главам 30 и 31 АПК РФ / Б.Р. Карабельников. – М.: Статут, 2008. – 606 с.
23. Fry, James D. Desordre Public International under the New York Convention: Wither Truly International Public Policy / James D. Fry. // Chinese Journal of International Law. – 2009. – vol. 8, no. 1. – P. 81-134.

24. Calliess, Graf-Peter, and Moritz Renner. Transnationalizing Private Law – The Public and the Private Dimensions of Transnational Commercial Law / Graf-Peter Calliess, Moritz Renner // German Law Journal. – 2009. – vol. 10, no. 10. –p. 1341-1356.
25. Seelig, Marie Louise. The Notion of Transnational Public Policy and Its Impact on Jurisdiction Arbitrability and Admissibility / Marie Louise Seelig // Annals of the Faculty of Law in Belgrade International Edition. – 2009. – P. 116-134.
26. Lanfang Fei. Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards: A Review of the Chinese Approach [Electronic resource] // Arbitration International / ed. William W. Park. – Oxford University Press, 2010. – vol. 26, issue 2. – P. 301-311.  
URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/new-kli-ka-1021006-n?q=social%20and%20public%20interest>. Режим доступа: Kluwer Arbitration.
27. Богатина, Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика / Ю.Г Богатина. – Москва: Статут, 2010. – 408 с.
28. Крутий Е.А. Защитные оговорки в современных кодификациях международного частного права / Е.А. Крутий // Адвокат. – 2011. – № 4. – с. 41 - 51.
29. Международное частное право: учебник: в 2 т. / Е.А. Абросимова, А.В. Асосков, А.В. Банковский и др.; отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. – М.: Статут, 2011. Т. 1: Общая часть. – 400 с.
30. Hossein Fazilatfar. Transnational Public Policy: Does It Function from Arbitrability to Enforcement? // City University of Hong Kong Law Review. – 2012. – №3. – P. 289-313.
31. Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения: сборник статей к 80-летию Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации / Под ред. А.А. Костина; МКАС при ТПП РФ. – М.: Статут, 2012. – 399 с.

32. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств / А.В. Асосков. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 640 с.
33. Плеханов В.В., Усоскин С.В. Автономия международного коммерческого арбитража: к вопросу о координации между различными юрисдикциями в процессе признания и приведения в исполнение решений международного коммерческого арбитража / В.В. Плеханов, С.В. Усоский // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2012. – № 1. – с. 31 - 60.
34. Давыденко, Д.Л., Хизунова, А.Н. Значение и функции оговорки о публичном порядке в иностранном и российском праве / Д.Л. Давыденко, А.Н. Хизунова // Закон. – 2013. – № 2. – с. 31-38.
35. Новые горизонты международного арбитража: сборник статей (выпуск 1) / А.В. Асосков, Фредерик Бело, Н.Г. Вилкова и др.; под ред. А.В. Асоскова, Н.Г. Вилковой, Р.М. Ходыкина. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 384 с.
36. Junngam, Nartnirun. Public Policy in International Investment Law: The Confluence of the Three Unruly Horses / Nartnirun Junngam // Texas International Law Journal. – 2016. – vol. 51, no. 1. – P. 45-118.
37. Sneij, Florentine. Are IIAs Old-Fashioned: How Consistency in the Use of Public Policy Fosters the Object and Purpose of Investment Agreements // Uniform Law Review. – 2016. – vol. 21, no. 2-3. – P. 197-215.
38. Дмитриева, Г.К., Мажорина, М.В. Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики: Монография / Г.К. Дмитриева, М.В. Мажорина. – «НОРМА», «ИНФРА-М», 2016. – 208 с.
39. Hsi-Chia Chen, Helena. Predictability of «Public policy» in Article V of the New York Convention under Mainland China` Judicial Practice / Helena Hsi-Chia Chen. – Kluwer Law International, 2017. – 256 p.
40. Shenoy, Nivedita Chandrakanth. Public Policy under Article V(2)(b) of the New York Convention: Is There a Transnational Standard / Nivedita Chandrakanth Shenoy // Cardozo Journal of Conflict. – 2018. – vol. 20, no. 1. – P. 77-104.
41. Trakman, Leon E. Aligning State Sovereignty with Transnational Public Policy / Leon E. Trakman // Tulane Law Review. – 2018. – vol. 93, no. 2, – P. 207-268.

42. Yves Hu. Reforms on the «Prior Reporting System» — A Praiseworthy Effort by the PRC Supreme People's Court, or Not? [Electronic resource]: January 8 2018// Kluwer Arbitration Blog [Website]. URL: [http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/01/08/reforms-prior-reporting-system-praiseworthy-effort-prc-supreme-peoples-court-not/?doing\\_wp\\_cron=1591232997.9072170257568359375000](http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/01/08/reforms-prior-reporting-system-praiseworthy-effort-prc-supreme-peoples-court-not/?doing_wp_cron=1591232997.9072170257568359375000)
43. Асосков А.В. Нарушение публичного порядка как основание для отказа в принудительном исполнении решений международных коммерческих арбитражей, принятых на территории Российской Федерации / А.В. Асосков // Закон. – 2018. – № 9. – с. 134-142.
44. Засемкова О.Ф. Сверхимперативные нормы: теория и практика / О.Ф. Засемкова. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – 412 с.
45. Amianto, Lodovico. The Role of "Unclean Hands" Defences in International Investment Law / Lodovico Amianto // McGill Journal of Dispute Resolution. – 2019-2020. – 6. P. 1-37.
46. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / Т.Д. Аиткулов, Р.Э. Акрамов, М.А. Акчурина и др.; под ред. Р.О. Зыкова. – М.: Арбитражная Ассоциация, 2019. – 999 с.
47. Margaret L. Moses. Chapter 11: Public Policy under the New York Convention: National, International, and Transnational // 60 Years of the New York Convention: Key Issues and Future Challenges / eds Katia Fach Gomez, Ana M. Lopez-Rodriguez. – The Netherlands: Kluwer Law International, 2019. – P. 196-184.
48. Ghodoosi, Farshad. Fall of Last Safeguard in Global Dejudicialization: Protecting Public Interest in Business Disputes / Farshad Ghodoosi // Oregon Law Review. – 2020. – vol. 98, no. 1. – P. 99-150.
49. Karabelnikov B.R. National Report for Russian Federation (2020 through 2021) / B.R. Karabelnikov [Electronic resource] // ICCA International Handbook on Commercial Arbitration / ed. Lise Bosman. – 2020. – P. 1-104. URL:

<https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-icca-hb-110-004-n?q=public%20policy&jurisdiction=Russian%20Federation&type=Commentary>  
P. 88. Режим доступа: Kluwer Arbitration

50. Skvortsov O. A Conservative Model of Arbitration: The Russian Experience / O. Skvortsov [Electronic resource] // Indian Journal of Arbitration Law. – 2020. – vol. IX, issue 1. – P. 60-77. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-ijal-9-1-004-n?q=A%20Conservative%20Model%20of%20Arbitration%3A%20The%20Russian%20Experience>. Режим доступа: Kluwer Arbitration.
51. Wei Sun. How the Arbitration Law of the People’s Republic of China Should Be Modernised [Electronic resource]: July 31 2020 // Kluwer Arbitration Blog [Website]. – URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2020/07/31/how-the-arbitration-law-of-the-peoples-republic-of-china-should-be-modernised/>
52. Brad Wang, Xianyue Bai. Award Concerning Bitcoin Exchange – Bit Too Risky to Enforce? [Electronic resource]: April 2, 2021 // Kluwer Arbitration Blog: [Website]. – URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2021/04/02/award-concerning-bitcoin-exchange-bit-too-risky-to-enforce/>

## **2. Решения международных коммерческих и инвестиционных арбитражей**

1. ICC Award № 1110 of 1963 by Gunnar Lagergren [Electronic resource] // Trans-Lex.org [Website]. URL: [https://www.trans-lex.org/201110/\\_/icc-award-no-1110-of-1963-by-gunnar-lagergren-yc-a-1996-at-47-et-seq/](https://www.trans-lex.org/201110/_/icc-award-no-1110-of-1963-by-gunnar-lagergren-yc-a-1996-at-47-et-seq/)
2. ICC Award №. 3916/1982 [Electronic resource] // Trans-Lex.org [Website]. URL: [https://www.trans-lex.org/203916/\\_/icc-award-no-3916-coll-icc-arb-awards-1982-507-et-seq/#head\\_0](https://www.trans-lex.org/203916/_/icc-award-no-3916-coll-icc-arb-awards-1982-507-et-seq/#head_0)
3. ICC International Court of Arbitration Case № 8385/1995 [Electronic resource] // Trans-Lex.org [Website]. URL: [https://www.trans-lex.org/208385/\\_/icc-award-no-8385-clunet-1997-at-1061-et-seq/#head\\_0](https://www.trans-lex.org/208385/_/icc-award-no-8385-clunet-1997-at-1061-et-seq/#head_0)



4. Inceysa Vallisoletana S.L. v. Republic of El Salvador, ICSID Case №. ARB/03/26 (Award of 02.08.2006) [Electronic resource] // Italaw.com: [Website]. URL: <https://www.italaw.com/cases/562>
5. World Duty Free Company v Republic of Kenya, ICSID Case No. Arb/00/7 (Award of 06.10.2006) [Electronic resource] // Italaw.com: [Website]. URL: <https://www.italaw.com/cases/documents/3281>
6. Metal-Tech Ltd. v. Republic of Uzbekistan, ICSID Case No. ARB/10/3 (Award of 04.10.2013) [Electronic resource] // Italaw.com: [Website]. URL: <https://www.italaw.com/cases/2272>
7. Hesham T. M. Al Warraq v. Republic of Indonesia, Final Award of 15.12.2014 [Electronic resource] // italaw.com: [Website]. URL: <https://www.italaw.com/cases/1527>

### **3. Иностранные правовые акты**

1. 中华人民共和国宪法 [Электронный ресурс] / 1982年12月4日第五届全国人民代表大会第五次会议通过 // 官方网站 Государственного совета Китайской Народной Республики. URL: [http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content\\_5276318.htm](http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm)
2. The Civil Procedure Law of the People's Republic of China (for Trial Implementation [Electronic resource] Adopted at the 22nd Meeting of the Standing Committee of the Fifth National People's Congress on March 8, 1982 // Asian Legal Information Institute [Website]. URL: <http://www.asianlii.org/cgi-bin/disp.pl/cn/legis/cen/laws/cplti422/cplti422.html?stem=0&synonyms=0&query=civil%20procedure%20law>
3. 中华人民共和国民事诉讼法 / 1991年4月9日第七届全国人民代表大会第四次会议通过 // 官方网站 Министерства юстиции Китайской Народной Республики. URL: [http://www.moj.gov.cn/Department/content/2018-12/25/357\\_182594.html](http://www.moj.gov.cn/Department/content/2018-12/25/357_182594.html)

4. Civil Procedure Law of the People's Republic of China / Adopted at the 4th Session of the Seventh National People's Congress on April 9, 1991 // Westlaw China [Law Database]. URL: <http://proxy.library.spbu.ru:2805/maf/china/app/document?&docguid=i0000000000000015cf361f7070dff5816&hitguid=i0000000000000015cf361f7070dff5816&srguid=i0ad62833000001790f853aee36232277&spos=2&epos=2&td=29&crumb-action=append&context=3&lang=en> Режим доступа: Westlaw China
5. Arbitration Law of the People's Republic of China / Adopted at the 9th Session of the Standing Committee of the 8th National People's Congress on August 31, 1994 // Westlaw China [Law Database]. URL: <http://proxy.library.spbu.ru:2805/maf/china/app/document?&docguid=i0a231c3e0000015e7a56050331163dcf&hitguid=i0a231c3e0000015e7a56050331163dcf&srguid=i0ad62833000001790fb6e4c76ecd4184&spos=1&epos=1&td=18&crumb-action=append&context=13&lang=en> Режим доступа: Westlaw China.
6. 最高人民法院关于人民法院处理与涉外仲裁及外国仲裁事项有关问题的通知 / (1995) 18 号 [Электронный ресурс] // Pkulaw.com [Peking University Law Database]. URL: [http://www.pkulaw.cn/fulltext\\_form.aspx?Db=chl&Gid=13496&keyword=%E6%9C%80%E9%AB%98%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E5%85%B3%E4%BA%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E5%A4%84%E7%90%86%E4%B8%8E%E6%B6%89%E5%A4%96%E4%BB%B2%E8%A3%81%E5%8F%8A%E5%A4%96%E5%9B%BD%E4%BB%B2%E8%A3%81%E4%BA%8B%E9%A1%B9%E6%9C%89%E5%85%B3%E9%97%AE%E9%A2%98%E7%9A%84%E9%80%9A%E7%9F%A5&EncodingName=&Search\\_Mode=accurate](http://www.pkulaw.cn/fulltext_form.aspx?Db=chl&Gid=13496&keyword=%E6%9C%80%E9%AB%98%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E5%85%B3%E4%BA%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E6%B3%95%E9%99%A2%E5%A4%84%E7%90%86%E4%B8%8E%E6%B6%89%E5%A4%96%E4%BB%B2%E8%A3%81%E5%8F%8A%E5%A4%96%E5%9B%BD%E4%BB%B2%E8%A3%81%E4%BA%8B%E9%A1%B9%E6%9C%89%E5%85%B3%E9%97%AE%E9%A2%98%E7%9A%84%E9%80%9A%E7%9F%A5&EncodingName=&Search_Mode=accurate)
7. 最高人民法院关于人民法院撤销涉外仲裁裁决有关事项的通知 / (1998 年 4 月 23 日法 (1998) 40 号) [Электронный ресурс] // 中华人民共和国对外经济律师法规汇编 (Compilation of laws and regulations of the people's Republic

- of China on Foreign Economic Relations) [Website].  
<http://www.people.com.cn/zixun/flfgk/item/dwjf/falv/9/9-2-1-12.html>
8. Arrangement Concerning Mutual Enforcement of Arbitral Awards between the Mainland and the HKSAR / signed on June 21, 1999, has been implemented since February 1, 2000 [Electronic resource] // The Government of the Hong Kong Special Administrative Region [Website]. URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/202011/27/P2020112700696.htm>
  9. 关于防范比特币风险的通知 /2013年12月3日 人民银行、工信部、银监会、证监会、保监会 银发〔2013〕289号 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного комитета Китайской Народной Республики по регулированию рынка ценных бумаг. URL: [http://www.csrc.gov.cn/pub/newsite/flb/flfg/bmgf/zh/gfxwjfxq/201401/t20140122\\_242972.html](http://www.csrc.gov.cn/pub/newsite/flb/flfg/bmgf/zh/gfxwjfxq/201401/t20140122_242972.html)
  10. 中华人民共和国民法典 [Электронный ресурс] / 2020年5月28日第十三届全国人民代表大会第三次会议通过 // Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202006/75ba6483b8344591abd07917e1d25cc8.shtml>

#### **4. Акты иностранных судов**

1. Kaifeng Dongfeng Garments Factory v. Henan Clothing Imp. & Exp. (Group) Company Tai Chu International Trade (HK) Co., Ltd. Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 06.11.1992 [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-005?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>.  
Режим доступа: Kluwer Arbitration.
2. Renusagar Power Co. Ltd v. General Electric Co. / Judgment of Supreme Court of India on 7 October, 1993 [Electronic resource] // Kluwer Arbitration:

[Website]. URL:  
<https://www.kluwerarbitration.com/document/ipn5505?q=public%20policy&jurisdiction=India&type=Legislation>. Режим доступа: Kluwer Arbitration.

3. USA Productions (美国制作公司), Tom Hulett & Associates (汤姆·胡莱特公司) v. China Women Travel Service (中国妇女旅行社) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 26.12.1997, 他[1997]35号 [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL:  
<https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-014?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>.  
Режим доступа: Kluwer Arbitration.
4. Wanshihong (Group) Co. (万时红集团) v. the Leasing Branch of Xiamen Marine Industry (Group) JSLC (厦门海洋实业(集团)股份有限公司) / Intermediate People's Court of Xiamen Decision of 19.12.1999, [1999]厦经初字第 431 号(Xiamen IPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL:  
<https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-a-003?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>.  
Режим доступа: Kluwer Arbitration
5. Hong Kong Xiangjin Cereals Oils & Foodstuffs Co., Ltd. (香港亨进粮油食品有限公司) v. Anhui Cereals Oils & Foodstuffs I/E Corp. (安徽粮油食品进出口(集团)公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 14.11.2003, [2003]民四他字第 9 号 (SPC) & [2003]皖执他字第 01 号 (Anhui HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL:  
<https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-039?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>  
20Decisions. Режим доступа: Kluwer Arbitration.
6. Shin-Estu Chemical Co., Ltd. (信越化学工业株式会社) v. Jiangsu Zhongtian Technology JSCL (江苏中天科技股份有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 03.03.2008, [2007]民四他字第 26

- 号 (SPC) & [2007]苏民三他字第 0002 号 (Jiangsu HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-078?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions> (дата обращения:) Режим доступа: Kluwer Arbitration.
7. Hemofarm DD (Hemofarm DD), MAG International Commerce Co., (MAG 国际贸易公司), Sulame Media Co., Ltd. (苏拉么媒体有限公司) v. Ji'nan Yongning Pharmaceutical Co., Ltd. (济南永宁制药股份有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 02.06.2008, [2008]民四他字第 11 号 (SPC) & [2007]鲁民四他字第 12 号 (Shandong HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-081?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. Режим доступа: Kluwer Arbitration.
8. Noble Resources Pte. Ltd. (莱宝资源有限公司) v. Zhoushan Zhonghai Cereals and Oils Industry Co., Ltd. (舟山中海粮油工业有限公司) Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 18.03.2009, [2009]民四他字第 2 号 (SPC) & [2007]浙执他字第 4 号 (Zhejiang HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-090?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. Режим доступа: Kluwer Arbitration.
9. GRD Minproc Limited (GRD Minproc 有限公司) v. Shanghai Flyingwheel Industry Co., Ltd. (上海飞轮实业有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 18.06.2009, [2009]民四他字第 48 号 (SPC) & [2008]沪高民四 (商) 他字第 2 号 (Shanghai HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e->

089?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions.

Режим доступа: Kluwer Arbitration.

10. Amulong Steel Co., Ltd. (阿姆龙钢铁有限公司) v. Yunnan Ni-Co Mineral Co., Ltd. (云南镍钴矿业有限公司), Kunming Railway Bureau Imp. & Exp. Co., Ltd. (昆明铁路局进出口有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 10.11.2009 [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: [https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-](https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-119?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions)

119?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions.

Режим доступа: Kluwer Arbitration.

11. He'nan Tianyun Real Estate Co. Ltd (河南天运置业有限公司) v. He'nan Province Jinge Real Estate Co. Ltd (河南省金阁置业有限公司) / Intermediate People's Court of Zhengzhou Decision of 09.04.2010, [2010]郑民三撤仲字第 11 号(Zhengzhou IPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL:[https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-a-](https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-a-135?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions)

135?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions.

Режим доступа: Kluwer Arbitration.

12. Tianrui Hotel Investment Co., Ltd. (天瑞酒店投资有限公司) v. Hangzhou Yiju Hotel Management Co., Ltd. (杭州易居酒店管理有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 18.05.2010, [2010]民四他字第 18 号 (SPC) & [2010]浙商外他字第 3 号 (Zhejiang HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL:

[https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-](https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-104?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions)

104?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions.

Режим доступа: Kluwer Arbitration.

13. Louis Dreyfus Asia Pte Ltd (路易达孚商品亚洲有限公司) v. Guangdong Fuhong Oil Products Co. Ltd (广东富虹油品有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 10.10.2010, [2010]民四他

字第 48 号(SPC) & [2009]粤高法民四他字第 10 号(Guangdong HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-130?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>.  
Режим доступа: Kluwer Arbitration.

14. Western Bulk Pte Ltd. (韦斯顿瓦克公司) v. Beijing Zhonggang Tiantie Steel Trade Co. Ltd (北京中钢天铁钢贸易有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 21.05.2011, [2012]民四他字第 12 号(SPC) & [2011]津高民四他字第 4 号(Tianjin HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-133?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>.  
Режим доступа: Kluwer Arbitration

15. Turbo (Fareast) Limited 德宝(远东)有限公司 v. Hubei Province Yingtai Economic Development Co. Ltd (湖北省鹰台经济发展有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 14.12.2011, [2011]民四他字第 62 号(SPC) & 鄂高法[2011]275 号(Hubei HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-134?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>.  
Режим доступа: Kluwer Arbitration.

16. Liu (刘某某) v. An Y Insurance Co. Ltd Shenzhen Branch (安某保险股份有限公司深圳分公司) / Intermediate People's Court of Shenzhen Decision of 12.05.2011, [2011]深中法民四初字第 123 号(Shenzhen IPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-a-191?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>.  
Режим доступа: Kluwer Arbitration.

17. Castel Electronics Pty Ltd. v. TCL Air Conditioner (Zhongshan) Co. Ltd (TCL 空调器(中山)有限公司) / Supreme People's Court of the People's Republic of China Decision of 10.10.2013, [2013]民四他字第 46 号(SPC) & [2012]粤高法仲复字第 7 号(Guangdong HPC) [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-cacds-e-143?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>.  
Режим доступа: Kluwer Arbitration.
18. Olam International Ltd. v. Zibo Yinhua Mianma Ltd. / Shandong Province Intermediate People's Court Decision of 19.01.2016 [Electronic resource] // Yearbook Commercial Arbitration / ed. Stephan W. Schill 2021. vol. 46. P. 1-14  
URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-icca-yb-xlvi-212-n?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. Режим доступа: Kluwer Arbitration.
19. Taizhou Haopu Investment Co., Ltd. v. Wicor Holding AG / Intermediate People's Court of Taizhou, Jiangsu Province, Decision of 02.06.2016 No. 00004 [Electronic resource] // Kluwer Arbitration [Website]. URL: <https://www.kluwerarbitration.com/document/kli-ka-icca-yb-xlii-302-n?q=public%20policy&jurisdiction=China&type=Court%20Decisions>. Режим доступа: Kluwer Arbitration.

## **5. Акты судов Российской Федерации**

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2004 г. № 226-О // Официальный сайт



Конституционного Суда Российской Федерации. – URL:  
<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32028.pdf>

2. Постановление от 08 июля 2014 г. по делу № А40-87194/2013 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение от 12 января 2015 г. по делу № А40-87194/2013 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 24 февраля 2015 г. по делу № А40-274/2014 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 5. – СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение от 27 июля 2015 г. по делу № А40-64831/2014 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение от 11 апреля 2016 г. по делу № А40-50778/2015 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО Нефтяная компания "ЮКОС"» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701200011?index=0&rangeSize=1>

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 1 февраля 2017 г. по делу № А41-22518/2014 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление от 10 марта 2017 г. по делу № А27-781/2011 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление от 24 мая 2017 г. по делу № А40-230545/2016 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»;
12. Определение от 13 июня 2017 г. по делу № А27-781/2011 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение от 13 июня 2017 г. по делу № А41-22518/2014 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление от 24 июня 2017 г. по делу № А40-230545/2016 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 4 сентября 2017 г. по делу № А40-60583/2016 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 27 сентября 2017 г. по делу № А54-3603/2016 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 27 декабря 2017 г. по делу № А64-906/2017 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление от 13 апреля 2018 по делу № А40-11868/2017 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление от 11 июля 2018 г. по делу № А40-239803/2017 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 11 июля 2018 г. по делу № А40-165680/2016 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление от 23 августа 2018 г. по делу № А40-77098/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление от 25 сентября 2018 г. по делу № А21-4708/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа // СПС «КонсультантПлюс».
23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 ноября 2018 г. по делу № А40-172778/2017 [Электронный ресурс] / Федеральный Арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс»
24. Постановление от 5 декабря 2018 г. по делу № А40-169104/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
25. Определение от 24 декабря 2018 г. по делу № А40-77098/2018 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
26. Постановление от 16 января 2019 г. по делу № А40-117331/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
27. Постановление от 11 февраля 2019 г. по делу № А40-221986/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление от 26 февраля 2019 г. по делу № А40-223894/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
29. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 30 апреля 2019 г. по делу № А35-2592/2018 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
30. Постановление от 21 мая 2019 г. по делу № А41-90912/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
31. Определение от 10 июня 2019 г. по делу № А40-223894/2018 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
32. Постановление от 26 июня 2019 г. по делу № А40-296672/2018 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Московского округа // СПС «КонсультантПлюс».
33. Постановление от 25 сентября 2019 г. по делу № А60-14725/2019 [Электронный ресурс] / Федеральный арбитражный суд Уральского округа // СПС «КонсультантПлюс».
34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 25 февраля 2020 г. по делу № А40-46243/2019 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
35. Определение от 28 февраля 2020 г. по делу № А60-30184/2019 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
36. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 12 марта 2020 г. по делу № А27-5147/2019 [Электронный ресурс] / Верховный Суд Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

## **6. Прочие источники**

1. Секретариат ЮНСИТРАЛ. Руководство по Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Нью-Йорк, 2016 [Электронный ресурс] // UNCITRAL – New York Convention [website]. URL: <http://newyorkconvention1958.org/>
2. Статус текстов: Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 год) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: [https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/conventions/foreign\\_arbitral\\_awards/status2](https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/conventions/foreign_arbitral_awards/status2)
3. 承认及执行外国仲裁裁决公约，1958年，纽约 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/zh/new-york-convention-c.pdf>
4. Zykov R. The Statistical Analysis of the Application of the New York Convention in Russia [Electronic resource]: February, 2019 // Kluwer Arbitration Blog [Website]. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2019/02/04/the-statistical-analysis-of-the-application-of-the-new-york-convention-in-russia/> (дата обращения: 18.03.2021)
5. UPDATED STATS ON THE NEW YORK CONVENTION IN RUSSIA IN 2018 [Electronic resource] // Mansors.com [Website]. URL: [https://mansors.com/media/blog/updated\\_stats\\_on\\_the\\_new\\_york\\_convention\\_in\\_russia/](https://mansors.com/media/blog/updated_stats_on_the_new_york_convention_in_russia/)